ПЕРВАЯ КОННАЯ

ПЬЕСА

ВСЕВОЛОДА
ВИШНЕВСКОГО

1930

ФЕДЕРАЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ФЕДЕРАЦИЯ

Обложка работы худ. Б. Титова.
Тип. газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48. Главлит № А—59529.
Заказ № 162. Тираж 5.000 экз.
Фосп. 354

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

ПЕРВАЯ КОННАЯ

ПЬЕСА

Предисловие
С. БУДЕННОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФЕДЕРАЦИЯ"
МОСКВА
1930

В Москве и Ленинграде
ПРАВО ПОСТАНОВКИ
За ЦДКА и Госнардомом.
В остальных пунктах СССР
СВОБОДНО

О ПЬЕСЕ
ПУЛЕМЕТЧИКА ВИШНЕВСКОГО

Никто из читателей и зрителей этой пьесы не сможет остаться спокойным. Старого бойца она заставит вновь вспомнить незабываемые переживания великих боев и походов гражданской войны. Молодому красноармейцу она покажет подлинное, неприкрашенное лицо дней, событий и людей, выковавших мощную Красную армию. Комсомолец и пионер найдут в ней «роман приключений». Рабочий получит от нее глубокий художественный психологический анализ эпохи своей борьбы за власть.

Мне хочется указать на то, что только пулеметчик Вишневский, товарищ Вишневский, боец Первой конной, один из могучего коллектива ее героев, смог создать эту вещь—нашу вещь—конармейскую. Без выдумки, без прикрас, без ложного пафоса, без бабелевского «обозного» вдохновения боец рассказал о бойцах, герой о героях, конармеец о конармейцах. Воспи-

танный Конармией Вишневский говорит ее словами, мыслит ее мыслями. Он берет материал от самой жизни, широко используя документы, воссоздавая подлинные события, вводя в действие подлинных людей.

Вишневский показывает трагический гнет царской казармы. В этой казарме умеет он проследить истоки той классовой ненависти, которая двигала в бой дивизии Первой конной. Он обнажает смертную тоску окопов империалистической бойни. Подлинный документ—письмо царского солдата с фронта в деревню—рассказывает зрителю не меньше, чем десятки страниц, написанных до сих пор на эту тему

Он без прикрас рисует холодный быт теплушек, в которых бежали с фронта солдаты армии царя и буржуазии. Но в этой же теплушке умеет он найти первые признаки нового солдата—солдата революции—будущего красноармейца.

И когда он переходит к показу Первой конной, читатель и зритель видят и знают самое главное—откуда возникла Первая конная, как и чем она рождена.

Вишневский не только знает, больше того, он понимает Первую конную, и поэтому нарисованная им картина смерти политрука на польском фронте глубоко символична и при всей своей простоте заслоняет в литературе вымученную «Смерть Долгушева».

Первая конная—наша конармейская пьеса. Она создана теми бойцами, которые сражались против Деникина, поляков и Врангеля и героически бились в рядах

ОДВА. Бойцу, пулеметчику Вишневскому, выпала на долю большая заслуга претворить в художественные образы дела и слова его товарищей по великим походам.

С. Буденный

Москва. Декабрь 1929 г.

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Драгун Иван Сысоев. — В I эпизоде и ряде других, где он именуется «драгун» и «б. драгун»: строевой солдат, строен, чист лицом, акцент воронежско-донской (видють, ажно, гуторят и проч.).

Идет по всей пьесе. В 1919 году ему 22 года.

Офицер. — В эпизоде VI «Российск. импер. армия» появляется, как младший офицер-корнет. Смел, холоден, жесток; когда надо, мягок. Затем идет через всю пьесу в ряде эпизодов. В эпизоде 1916 г., делая наставление, как писать письма с фронта, он — штаб-ротмистр, в сцене суда он председатель в чине ротмистра. В 1913 году ему 22 года.

Рабочий. — Он же комиссар. Не в кепке и кожаной тужурке, а в гимнастерке, потом в пиджаке, донской шапке или картузе. Крепкий, простой. Сдержан, но прорывается порой кипящей горячностью (сцена с укрощением партизан: «Кого на испуг берете?» и в сцене «Ударники»). Появляется в царицынском цикле и далее идет по всей пьесе.

В 1918 году ему 33 года.

Командир. — Появляется в эшелоне в I акте, как большевик, председатель комитета. Очень спокойный, ровный сильный. Идет по всей пьесе. В 1918 году ему 25 лет. Интеллигент.

Казак. — Появляется (без слов) в эшелоне в акте. ам поет. Потом появляется в эпизоде белой мобилизации и т. д. Казачий чуб, ухватка, акцент. Шаровары с лампасами, фуражка, папаха набекрень. Лет 26 (в 1918 г.).

Ведущий. — Наша совесть, память, сознание, наше сердце.

Прочие действующие лица меняются — течет масса разноликая, и в эпизодах надо давать всегда разных людей.

Указанные выше 5 главных лиц — тоже часть массы. Они не «герои», они не красуются, они делают дело. Надо подчеркнуть их силу, не дав им ни капли рисовки.

Белых показать без «акцента» в сторону «трусости», «подлости» и т. п. Сами эпизоды показывают, кто они. А когда белые смелы — то это тоже надо крепко показать (эпизод с гундоровцами, офицер Икс и др.).

ПРОЛОГ

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ АРМИЯ

Ведущий. Был год 1913-й. Огромна Россия, великолепна столица Санкт-Петербург и ее дворцы. На утрамбованных солдатскими шагами плацах столицы царь принимает ослепительные парады войск... В мае — весенний парад гвардейской кавалерии. Золото кирас, лес пик, алые и синие вальтрапы с императорскими вензелями, белые султаны, трепет флажков, серые кони, ментики гусар, усачи-унтера... Многотысячная масса колышется. Кавалерия готова к маршу... «Арш, арш!..» Вот она тронулась...

Кавалерийский марш. Великолепие...

Смотр замечателен. Движения бесчисленных эскадронов и сотен так стройны, так верны, что замирает от силы и красоты сердце у толп, усеивающих панели, балконы, крыши... Чудо-богатыри, орлы!.. «Ур-р-ра» — висит над гигантским плацем...

Пауза.

Идем в казарму, к кавалеристам. Посмотрим ближе службу сдобную, красивую.

ЭПИЗОД I. «ГДЕ ВЫПРАВКА?!»

Вечер в казарме. Тусклый огонь. Койка, шкапик. На койке храпит человек. У изголовья стоит не шелохнувшись, под шашкой, молодой, безусый солдат. Где-то балалайка играет невесело.

Ведущий. Лейб-драгун Иван Сысоев на учении ошибся во время исполнения сабельного приема «на караул». Лейб-драгун Иван Сысоев наказан. Он будет ночью стоять под шашкой у постели взводного унтер-офицера и так научится быть настоящим российским императорским лейб-драгуном.

Драгун *(стоит, тихо опуская занемевшей рукой шашку)*. Братцы, за что же?

Храпящий взводный *(вскидывает голову и ревет)*. Как стоишь?! Где выправка?! Как шашка?! Подбери живот!..

Драгун выпрямляется. Тикают часы. Где-то балалайка играет невесело.

Ведущий. Какая выправка у чудо-богатырей царских!

ЭПИЗОД II. ОКОЛОТОК

Фельдшер с книжкой. Входят солдаты.

Фельдшер. Чем болен?

Солдат *(руки по швам).* Ноги болят, господин фельшер.

Фельдшер. Покажи.

Небрежный осмотр

Фельдшер *(бросает).* Иодом!

Солдат уходит. Подходит второй солдат.

Фельдшер. Ты чем болен?

Солдат *(руки по швам).* Зубы болят, господин фершал.

Фельдшер. Иодом!

Подходит третин солдат.

Фельдшер. Ты?

Солдат *(руки по швам).* Руку зашиб конь, господин фельшер.

Фельдшер. Иодом!

Входит врач. Все вытягиваются.

Врач *(тычет одного солдата).* Ну, ты что?

Солдат. Уши болят, ваше высокродь.

Врач *(грозно).* Не моешь?!

Солдат. Никак нет, мою, ваше высокродь

Врач. Не перечь.

Солдат. Виноват, ваше высокродь!

Врач пишет рецепт. Солдат уходит. Врач обращается к первому солдату, больному ногами.

Врач. Ну?

Солдат. Так что ноги болять, ваше высокродь.

Врач. Иодом!

Солдат. Так точно, ваше высокродь. Только ходить трудно, ваше высокродь.

Врач. Освобождение на день.

Солдат. Слушаю, ваше высокродь.

Врач. Следующий!

Ведущий. Царит крик в околотках: «Иодом!» На все случаи болезни—иод. Солдат меньше заботит начальство, чем кони, были бы те в теле. В России много людей: умрет драгун, казак или улан—возьмут другого рекрута. Какая забота! Мажь их «иодом»!

ЭПИЗОД III. «БЕГОМ, БРАТЕЦ!»

Казарма. Горнист играет сбор. Голос унтер-офицера: «На молитву станов-и-ись!»

Выстраиваются бегом.

Идет какой-то офицер. Встреча с освобожденным больным. Больной тяжело ступает.

Офицер. Ты чего, брэтец?

Солдат *(руки по швам)*. Так что больной, ваше высокродь.

Офицер. Бегом, бегом, брэтец!

Больной тяжело ступает.

Офицер. Бегом!

Солдат *(тоскливо)*. Болен я, ваше высокродь.

Офицер. Притворяешься, брэтец.

Солдат *(тоскливо)*. Болен я, ваше высокродь

Офицер. На месте, бегом — арш!

Солдат становится в соответствующую позу, согнув в локтях руки, и начинает бежать с мукой в лице.

Офицер. Ать-два, ать-два, ать-два... Вот... вот... Хорошо бегаешь, лейб-драгун.

Солдат *(подавляя боль)*. Рад стараться, ваше высокродь!

Офицер. Ну, а потом в карцер за притворство, брэтец!

Солдат *(все еще бежит на месте)*. Слушаю, ваше высокродь!

ЭПИЗОД IV. ЗАБАВЫ

Ведущий. А когда от зевоты, нуди, гнуси и тоски становилось тошно даже взводным — начинались забавы...

Группа унтеров в своем углу.

Взводный *(повернувшись к молодым солдатам, зовет)*. Куриленко!

Солдат. Я-а, господин взводный.

Взводный. На нос-ках, сю-да!

Печатая шаг, подходит солдат.

Солдат. Честь имею явиться, господин взводный.

Взводный. Стой здесь.

Солдат. Слушаюсь, господин взводный.

Взводный *(выбирает еще одного солдата)*. Архипов!

Солдат. Я-а, господин взводный.

Взводный. На нос-ках, сю-да!

Печатая шаг, подходит второй солдат. Прочие боязливо сидят, жмутся. Взводный начинает.

Взводный. Куриленко, ты хохол?

Солдат. Так точно, господин взводный.

Взводный. А как русских называют у вас, хохол?

Солдат молчит.

Взводный *(грозно)*. Ну-у. Как?

Солдат *(покорно, боязливо)*. Кацапы... москали, господин взводный.

Взводный *(делая вид, что обижен)*. Ка-ак? *(к Архипову)*. А ну, Архипов, бей хохла, чиво он нас, русских, обзываить так.

Архипов покорно, как автомат, бьет Куриленко по шее.

Унтера смеются. Пауза.

Взводный *(к Архипову)*. Архипов, а ведь тибе служба ни визеть?

Солдат. Так точно, господин взводный, не везет.

Взводный. Сделай об етом сообщение на весь наш лейб-гвардии драгунский полк. Ну...

Архипов *(краснея от натуги, вопит страшным голосом)*. Мине служба не везет!.. Мине служба не везет!..

Взводный. Хватит, дурак!.. *(к Куриленко)*. Ну, отвечай мне, как генералу. Здорово, братец!

Куриленко *(рявкает)*. Здравья желаю, ваш-дит-ство!

Взводный *(делаясь важным)*. Отвечай теперь, как полному генералу. Здорово, братец!

Куриленко *(рявкает)*. Здравья желаю, ваш-сок-дитст-во!

Взводный *(делаясь величественным)*. Ну, а теперь отвечай, как государю императору. Здорово, братец!

Куриленко *(замирает, тянется и рявкает)*. Здравья желаю, ваш-прат-лит-ство!

Пауза.

Взводный. Ну, так... Маладец!

Куриленко. Рад стараться, господин взводный.

Взводный *(строго)*. Отвечай, как государю императору.

Куриленко *(замирает, тянется и рявкает)*. Рад стараться, ваш-прат-лит-ство!

Взводный *(Архипову)*. Архипов, а кто Куриленко?

Архипов. Хохол, господин взводный.

Взводный *(Куриленко)*. Куриленко, ен тибя обижаить. Как он тибя обзываить? Дай ему раза.

Куриленко покорно, как автомат, бьет по шее Архипова. Унтера смеются.

Взводный *(обоим солдатам)*. Слушай оба мою команду. Кру-гом!

блуками.

Взводный. Ат-ставить!

Оба поворачиваются обратно.

Взводный. Чище, как на пружинке. Кру-гом!

Снова хороший поворот.

Взводный. Ат-ставить! *(сердясь для того, чтобы «подрепертить» подчиненных, ревет).* Как на пружинке, с огнем! Как на смотру! Где служите? На царской службе! Забыли? Кру-гом!

Поворот с максимальным блеском. Оба застыли.

Взводный. По своим местам, шагом...арш!..

Печатая шаг, оба солдата идут к себе.

ЭПИЗОД V. МОЛИТВА

Шеренга. В углу икона Николы угодника, мерцает лампадка. Замерли все. Тихо поют: «Отче наш». По шеренге сзади крадется, тыкая злобно кулаком в спины, вахмистр и шипит:

Вахмистр. Как стоишь? Как стоишь?

Пение сбивается и скомкано.

Вахмистр *(крестится).* Я вас научу службе! Вы у меня, как тумбочки, в строю стоять будете, как мертвенькие! Сказано: святое место строй, сук-кины дети!.. Замри!.. Я вас загоняю, я вас выучу!.. Продолжайте молитву!

Молитва продолжается.

Ведущий. И веселье бывает в казарме. Крепкое веселье. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Весело гляди, кавалерийский солдатик!

Гул солдат. Письма, письма принесли.

Солдаты в оживлении. Появляется взводный унтер-офицер. Солдаты замерли. Унтер важно садится. Долго вертит письма Солдаты ждут, мнутся.

Унтер. Тарас Охриме...

Солдат. Я-а, господин взводный.

Унтер. Дурак, рази я усю фамилею твою досказал? Кудды ты лезешь, хохол проклятый!

Солдат *(испуганно)*. Виноват, господин взводный.

Унтер *(снова, растягивая)*. Та-рас Ох-ри-мен...

Пауза. Охрименко стоит — не шелохнется. Взводный любуется им.

Унтер. Стой, стой, хохол. Ишь—письма захотел. Поди, от бабы?.. Сладкая у тибе баба, а?

Унтер ржет. Солдаты подражают взводному и ухмыляются, некоторые же стоят хмуро.

Взводный. Сладкая? Га-га-га... Смешно... Смешно, ребята?

Гул. Так точно!

Взводный *(взводу)*. Ну, смейсь!

Странный, послушный смех. Взводный вдруг выпаливает конец фамилии Охрименко: «ко!»

Охрименко *(бросается вперед и делает стойку, выпаливая)*. Я-а, господин взводный!

Унтер. Тибе, знацца, письмо. Эва! Тольки ты за письмо ета спляши.

Охрименко конфузливо начинает гопака. Солдаты дают мотив, шевелят ногами, поводят плечами. Гопак живее.

Взводный. И-эх! Жги!

Охрименко бьет ногами сильнее.

Взводный. Ловчае!

Охрименко бьет еще сильнее.

Унтер. Так... ланно! *(Кричит)*. Стой!

Охрименко с хода вытягивается в струнку.

Взводный. Возьми письмо. Ну-ка, што баба пишет? Читай! Кто ее там без тибя, а?..

Охрименко неумело разрывает конверт. Глядит. Читает про себя. Хихиканье взводного.

Охрименко *(стоит молча. Потом тихо говорит)*. Отец у мене умер... згинет хозяйство... мали дити...

Молчание. Унтер, заложив ногу на ногу, качает носок сапога.

Ведущий. Веселый гопак в казарме царской. Ух, как лихо пляшут, какие коленца выводят веселые хваты кавалерии царской!

ЭПИЗОД VII. УЧЕНИЕ

Ведущий. Много заботы клали отцы командиры на учение-просвещение...

Входит взвод. Команда: «Взво-од стой!» Как один стали. «Напра-о!» Щелкнули каблуки. «Подравняйсь!» Появляется ротмистр. Команда: «Смирно, равнение налево!»

Ротмистр. Ни к чогту вы не годитесь! Вида нет. Пгиемы плохо выходят. Подзаняться! *(Уходит, доставая из портсигара со шнуром папиросу. Мягко позванивают шпоры).*

Младший офицер *(офицер Икс).* Слуш-с, господин ротмистр!

Ротмистр уходит

Младший офицер. Слышали?! Ни к чорту вы не годитесь. Вида нет. Приемы плохо выходят. Подзаняться! *(Уходит).*

Взводный *(рычит).* А! Ни к чорту вы не годитесь! Виду нет! Приемы плохо выходють. Подзаняться!. А ну, я вас подзайму-у! По потолку—пальба взводом Взво-о-од!..

После предварительной команды унтер берет папироску Кавалеристы стоят с поднятыми винтовками. Чуть колышется линия штыков. Унтер прогуливается... Время о времени кому-нибудь кидает: «Я тибе шевельнусь!» Гуляет. В дверях младший офицер. Вдруг унтер быстро выпаливает: «Пли!» Курки разом щелкают. Один тольк с опозданием. Офицер кричит: «Сысоев!» Подскакивает тычет кулаком в зубы безусого драгуна, спустившег курок с опозданием. Солдат тяжело качнулся назад и замер опять в стойке.

Ведущий. Ох, много заботы клали отцы-командиры на солдатское учение-просвещение!..

ЭПИЗОД VIII. СЛОВЕСНОСТЬ

Помещение эскадрона. Солдаты сидят, ладони на коленях, каблуки вместе, носки врозь.

Ротмистр. Вот, б'атцы, вы должны понять, что вы защитники и слуги ца'я, пьестола и ве'ы... Э-э-э... Вы носите мундиг... Э-э-э... П'едки взи'ают на нас... Как мы защищаем святую ве'у и госуда'я импе'ато'а... Э-э-э... от супостатов... внешних и внут'енних в'агов... Когда мы с богом—и бог с нами. И го'е, если он отв'атит лицо свое... э-э-э, если мы будем г'эшны пе'ед ца'ем и святой 'усью... э-э-э... Э-э... вот... Если в'аг нападает на нашу землю, мы оде'жим победу... э-э-э... на 'атном поле... э-э-э... На поп'ище чести, с'авы и пойзы... Помните завет: «К'епость в ве'е, ве'ность п'естолу, пойза и с'ава отечества... э-э-э... Так, б'атцы?..

Гул. Так точно, ваш-скородь.

Ротмистр. Ну, вот, тепей с вами займется взводный. *(К взводному)*. Займись! *(Уходит).*

Команда: «Встать смирно!» Все вытянулись. Потом по команде сели.

Взводный. Ну-ка, посмотрим, как вы знаете высочающих и начальствующих особ... Сысоев!

Сысоев *(вскакивая)*. Я-а, господин взводный...

Взводный *(тянет)*. Скажи... мине... полный титул... командира... нашего корпуса...

Сысоев. Его... его...

Взводный *(яро)*. Чего егокаешь? Я те егокну!.. *(Меняя тон)*. Ты чиво такой некрасивый сиводни?

Сысоев. Так что два зуба их высокродь господин корнет выбить мне изволили...

Взводный *(равнодушно)*. А-а... *(Строго)*. Ну, слушай титу'л. Лучше «Отче наш» знать должон! *(Чеканит)*. Его высокопревосходительство свиты его величества генерал-адъютант генерал от кавалерии Безобразов... Ну, а титу'л командира дивизии?

Сысоев молчит.

Взводный *(чеканит)*. Его превосходительство генерал-майор Раух! Ну, а кто наш бригадный? Не знаешь?! Слуша́й: его сиятельство свиты его величества генерал-майор князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон... Имени-и-тый!

Ведущий. Взводный позволяет себе иногда щегольнуть другими знаниями. Он читает лекцию солдатам...

Взводный. Ну, и что вы, серые порции, знаете о расписании форм одежды при различных случаях показанных ниже в алфавитном порядке? Ничево вы не знаете — службы еще не видели, расписания слыхом не слыхали. *(Заученно твердит без запятых)*. Пункт 57-й! Акты, дворянские выборы, открытие выставок и экзамены — форма обыкновенная. Пункт 58-й. Бал при высочающем дворе, на больших балах — форма парадная, на малых — обыкновенная. Брачная церемония для участвующих, как то—жених, отец невесты, шафера и посаженый отец — форма парадная. Возложение

венков — форма парадная. Вынос и погребение святой плащаницы — форма обыкновенная. Исповедь — форма повседневная. Причем свиты его величества генерал-адъютанты носят в парадном случае: мундир, шляпу и саблю, сапоги короткие, брюки с галуном, белые перчатки и шинель-пальто. Вот. *(Переводит дух)*. Звезда же старшего ордена прикрепляется к груди, как сказано выше, на расстоянии от середины звезды около трех и трех восьмых вершков, как от середины груди по горизонтальной линии, так и от крючка воротника мундира по вертикальной!.. А што вы знаете про ордена? Вам пуговицы блестящие с орлами дадены — и то спасибо скажите. А надо желать в заслугу отечества... Бывают ордена разные. Орден Леопольда, орден Искандер Салис и Тадж, бухарский, английская подвязка и Патрикея, орден Спасителя греческий и Калатрава испанская и богоматери Монтезанской... Вот бывают какие... Вольноопределяющий, повторите!

Вольноопределяющийся *(у него на груди университетский знак)*. Я не могу... господин взводный.

Взводный. Ета вам не уникитет!..

Ведущий. Много таких знаний вбивали в головы солдат. А о грамоте зачем и думать? Грамотный мужик — беспокойство... К чорту армию царя! Армия глупая, дурацкая, никуда не годная. К чорту родину с ее гадостью, безволием, ленью и вонью! Хочется бежать от этой родины...

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ

ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА

ЭПИЗОД I. «НИХТ ШИСЕН»

Ведущий. Россия воюет... Висла, Мазурские озера, Галиция, Карпаты. Августовские леса. Россия воюет... 15 миллионов мужчин оторваны от дела, от семей. Россия воюет...

Год 1916-й... Окопы на Стоходе...

Окоп глубокой профили (выше человеческого роста). Видны проволочные заграждения. Над окопом козырек (деревянное закрытие, покрытое слоем земли). В бойницах винтовки. Штурмовая лесенка. Полевой перископ. Группа солдат у входа в блиндаж. Покуривают. Солдаты в шпорах, с шашками (спешенные лейб-драгуны). У перископа наблюдатель. Рядом стальной щит с прорезью. Солдат поет: «Пишет, пишет царь ерманский, пишет русскому царю...»

Охрименко *(кричит с украинским акцентом)*. Вижу!

1-й солдат. Кого?

Охрименко. Архипова.

1-й солдат. Где?

Охрименко. В мешке.

1-й солдат. Бей его по башке!

Шутливо бьют Архипова. Возня. Потом, сопя, солдаты поправляют пояса и гимнастерки.

Архипов. Вижу.

2-й солдат. Ково?

Архипов *(указывая на первого)*. Охрименку.

2-й солдат. Иде?

Архипов. В чашке.

2-й солдат. Бей ево по натяжке!

Все наваливаются на Охрименко, нагибают его и шутливо, но крепко бьют по заду. Голос: «Зачем цеплял, а? Получай! Ха-ха...» Носильщики проносят на шинели какого-то убитого лейб-драгуна. Руки трупа болтаются. За носильщиками — один с лопатой. Солдаты притихли, крестятся.

Архипов. Тут до нас Преображенский полк наступал... Тоже положили их много... Народ здоровый — во*(жест выше головы)*, дуболомы! Скажем, в первой государевой роте... Три фунта хлеба к чаю едят... Шли, значит, преображенцы наступать пóтемну. Подготовку какую артиллерия сделала? Известно — поковыряла мало-мало, и хватит. Да и то как: прицел пять, трубка пять — по своим опять. Проволка-то у немцев целая осталась. Ряда четыре...

1-й голос *(желчно)*. Русский солдат здоровой, руками порвет.

2-й голос. То-то и навалило преображенцев... Порвали...

Архипов. Да... преображенцы, значит, потемну пошли... Молчат... «Ура» не велено было кричать... Идут — «на руку» держат. Подошли к проволоке. Давай резать... А немцы глядят—видят... Что такое?! Громадины!.. Испугались, думают — кавалерия... и верно, ох, дуболомы здоровые эти преображенцы! *(Жест выше головы)*.

3-й голос. Повоюем — помельчают, небось...

Пауза.

1-й голос. Заяц поутру забежал промеж окопов — вот смеху было!

2-й голос. Стрелили?

1-й голос. Положили, задрыгал и лег... Поди достань... Немец, брат, тебе достанет!

3-й голос. Заяц не вкусный...

2-й голос. Поди, не с'ел бы?

Проходит с забинтованной рукой раненый, алеет повязка.

1-й голос. Какова эскадрона?

Раненый. Второва.

1-й голос. Что у вас там?

Раненый. Садит с тяжелой — сил нету. Всех выбьет. Накаты выворачивает. Мортиркой бьет. *(Уходит)*.

2-й голос. И до нас доберетца.

3-й голос. А ты не сглазь! Тибе не мнут — ногами не дрыгай.

В щит со звоном бьет пуля. Наблюдатель шарахается.

1-й голос. Ишь кладет. У них винтовки с трубками, посмотришь — все видно. Бей на приз.

Из-за поворота — офицер Икс и вахмистр. Солдаты приподнимаются, но чести не отдают, так как уже видели офицера несколько раз с утра.

Офицер. Придется его под шашку. Не могу, не могу... Если под суд отдать — ему же хуже будет. *(Раздраженно)*. Вообще — дрянь он.

Вахмистр *(окая)*. Вашскородь, где поставить прикажете?

Офицер *(кивая на бруствер)*. Тут, наверху.

Вахмистр *(изумленно)*. Наверх, вашскородь?

Офицер. Ну да...

Оба уходят за второй поворот — за траверс.

1-й голос. Это Сысоева Ваньку.

2-й голос. За што?

3-й голос. Взводному по роже дал. Тот его загрыз, со света сживает...

2-й голос. Ну, постоит — не спортится.

1-й голос. Ды-к ево туды — наверх...

3-й голос *(недоверчиво)*. Нно-о-о? Брось!

Входят вахмистр и Сысоев.

Вахмистр *(официально)*. Сысоев, под шашку! Только час!

Сысоев *(отдавая честь)*. Слушаю, господин вахмистр!

В а х м и с т р *(дрогнувшим голосом).* Становься... Приказано. Все одно — либо под суд... Смерть ведь на суде примешь. А тут может обойдется. Лезь, милой, наверх... С молитвой...

Солдаты не верят ушам и цепенеют. Сысоев стоит, как полагается стоять российскому кадровому императорскому лейб-драгуну. Пауза.

В а х м и с т р. Лезь, милой, с меня спросят. Оба пропадем... Лезь... *(испуганно тычет рукой).* Ну, лезь... Постой там малость. Я враз, я скоро... доложу—отстоял, мол... *(пятится и бормочет).* Лезь, Сысоев, лезь... *(Скрывается за поворотом).*

Вечереет. Темнеет. Сысоев смотрит на штурмовую лестницу. Две пули со звоном бьют в щит. Наблюдатель шарахается. Сысоев поправляет фуражку и привычно поднятым пальцем проверяет, на середине ли кокарда.

С ы с о е в. Прощайте, земляки. Бог видит — занапрасно...

Солдаты молчат. Сысоев лезет по лестнице на бруствер. Пуля бьет в щит, наблюдатель вздрагивает. Солдаты невольно бросаются к бойницам. Щелкают затворы. Сысоев уже на бруствере. Он вырисовывается на закатном фоне германской стороны сильной фигурой. Встав, как полагается стоять российскому императорскому кадровому гвардейцу, он с отрывом руки выхватывает шашку. Пуля бьет в щит. Сысоев наклоняет голову, выправляется и замирает в стойке, держа шашку у плеча.

Еще две пули — «тук-пак-тук-пак...»

1-й солдат (*к своим*). Не стреляй, братцы, хуже будет...

2-й солдат. Убьют Ваньку... Немец сыпанет...

Проносят на шинели еще одного убитого. Носильщики не замечают Сысоева.

3-й солдат. Господи... Отче наш...

Пуля — «тук-пак». Сысоев втягивает голову.

Наблюдатель. Эй, немец махает! Глянь-ко...

Солдаты приникли к бойницам. Темнеет. Издалека с немецкой стороны голос, неясно различимый.

Голос. Ру-у-ус, камрад... вир воллен нихт шисен... Нет сичас стрелять... не можно.

Драгуны (*слушают, высовываются на цыпочках и вопят*). Камрад!.. Солдат, камрад! Солдат — свой!.. Ня бей его... Ох, прожектор!

Прожектор белым сиянием обдает застывшего императорского гвардейца Сысоева и драгун, поднявших большие, добрые руки и впервые что-то познавших... С немецкой стороны далекий голос:

Голос. Геноссен, камраден, ру-у-ус...

Шопот драгун. Камрад кличет... Не бьют... Видють, в чем дело.

Показывается вахмистр.

Вахмистр (*нервно*). Сысоев, живой? Сысоев, шашку в ноо-жны! Ой, милой!

Сысоев отчетливо делает прием, но стоит. Ждет другой команды.

Прожектор вновь белым сияньем обдает Сысоева. Вахмистр командует, вспомнив, что Сысоев ждет: «Кру-гом! В окоп бегом арш!» Сысоев делает поворот и прыгает в окоп. Носильщики на шинели проносят еще одного убитого.

1-й голос. Каково эскадрону?

2-й голос. Все второва... бида...

Вахмистр гладит Сысоева по плечу.

Сысоев (*тихо, кому-то отсутствующему, крутя головой*). Камрад, а?

ЭПИЗОД II. ПИСЬМО С ПОЗИЦИИ

Ведущий. 20 февраля 1917 года.

Сцена 1-я

Окоп. Землянка. Стол. Сидит офицер Икс. Вертит бумажку и читает: «Копия с копии. Секретно». Так.. «Отмечается, что в просматриваемых военной цензурой письмах нижних чинов участились описания, кои могут принести явный вред русской армии и посеять нежелательные и пагубные мысли в населении». Так... «Сообщается на предмет принятия надлежащих мер внушения в отношении нижних чинов...» Так... Надо посмотреть...

Сцена 2-я

Окоп. Солдаты. Говор в кучке. Поют жалобно тоскливую песнь о войне.

Сысоев (*тихо*). Была бы моя воля, ушел бы отсюда — хоть по жнивью босому итти было бы до самого дома... Травку бы ел, хлеба не просил — уйти бы отсюда... Ах, бьют народ, бьют...

1-й солдат. (*зло*). Земля жирная будет.

2-й солдат. Народ умней станет...

-и солдат. а, мало кто с нас жизни повидит...

Сысоев. И за што бьют? Што — я ково с немцев обидел, или меня немец обидел? Такой же солдат, как и я... До службы он копался в земле, и я копался. А теперь — иди, бей его, а он тебя... Пленных тут гнали — и зла в них нет, и на них у меня нет...

Голос унтера. Сысоев, эскадронный требует. На нос-ках, жи-во!

Сысоев быстро подтягивается и спешит.

Сцена 3-я

Та же землянка. Стол. Сидит офицер. Входит позванный.

Сысоев *(с порога)*. Ваше высокродь, дозвольте взойти?

Офицер. А, входи. Здорово, Сысоев.

Сысоев *(козыряя)*. Здравья желаю, ваше высокродь.

Офицер. Давай, брат, потолкуем.

Сысоев *(козыряя)*. Слушаю, ваше высокродь.

Офицер. По душам... Ты стой вольно... Ладно...

Солдат становится вольно, но весь «как полагается»

Офицер. Ты что, женат, дети есть?

Сысоев *(козыряя опять)*. Так точно, женат, вашсокродь.

Офицер *(мягко)*. Ты ведь с начала войны... На позиции уже третий год. Был, кажется, ранен?

Сысоев *(козыряя)*. Так точно, ваше высокродь.

Офицер. Да, мы с тобой много пе...
только раньше не совсем исправен был... Да, да... Теперь ничего как будто... Ну, скажи просто, как тебе война? Домой не тянет?

Сысоев в раздумьи.

Офицер. Говори, братец, давай разберемся... Куришь?

Сысоев (*козыряя*). Никак нет, не курящие мы, ваше высокродь.

Офицер (*смотрит мягко и грустно*). Говори, друг, тянет домой?

Сысоев (*козыряя, заученным тоном*). Так точно, конешно, бывает, когда и подумаешь, но только раз призваны мы — так уж первое дело служба, ваше высокродь! Немца победим, замирение будет, так уж тогда и домой.

Офицер (*в сторону*). Врет, каналья, или нет? Не узнаешь от них. Ну, чорт с ним!.. (*Солдату*). Так, голубчик, ты и в письмах пишешь?

Сысоев. Так точно, ваше высокродь, чтоб, значит, понимали.

Офицер (*мягко*). Да, да, ты так и пиши. Пиши вот, что можно надеяться на победу... Снарядов в изобилии. Что еще? Да, кони в теле. Нам остается быть героями... Понятно?

Сысоев (*козыряя*). Так точно, понятно, ваш высокродь. (*Чеканит*). Надеяться на победу, снаряды в изобилии, кони в теле, быть героями...

подами офицерами?

Сысоев *(козыряя)*. Так точно, доволен, ваше высокродь!

Офицер. Ну, можешь итти.

Солдат *(козыряя)*. Счастливо оставаться, ваше высокродь!

Четкий поворот. Сысоев уходит.

Сцена 4-я

В избе читают вслух письмо. Народ.

Чтец *(монотонно)*. «С нами бог. Любезная и дорогая супруга наша и детки. Я, слава богу, жив, здоров, сего блага и вам желаю. Низко кланяюсь за любовь истинную к нам. Почтеннейше письмо ваше получил, стоявше на позиции, и гостинцы тоже. Сими подарочками пользовались от души и с чувством супружней благодарности.

Живется сравнительно нам хорошо, только благодаря тесноте воши, прости господи, докучают.

Нам весело служить с начальниками лихими и слава богу можно надеяться на победу русскими над немцами. Слухи сбываются на деле — всего в нас в изобилии и снарядов и насущного и кони сыты в теле. Остается быть героем, призывая божие благословение, все войска единым духом вдарят грудью, и с божьей помощью победим беспременно, и тогда можно мириться.

К пасхе продай, супруга любезная, о чем я тебе писал, и вышли денег в полк мне и белья. Желаю милости божьей и веселья духовного и быть здравыми в кругу семьи и еще много доброго дождаться. Известный вам Иван Сысоев.

20 февраля 1917 г. Действующая армия».

Голос бабы. Спаси, помилуй...

2-й голос. Пишет — славу богу, ничего...

3-й голос *(старик, доволен)*. Кони в теле... Герои...

4-й голос. Вот Фомка вернулся без руки, говорит, бьют наших. Кому верить-то?

Голос бабы. А може Фомка брет?

4-й голос. И с чево ба?

Старик. Верь, баба, чево муж пишет...

РЕВОЛЮЦИЯ

ЭПИЗОД I. «РОССИЯ, ПОЖАЛУЙТЕ В АТАКУ»

Ведущий. Был март 1917 г. С царем рассчитались. Свобода. Весна. Жизнь шумит.

Марсельеза.

И ждало ободренное сердце солдатское доброй вести. Ждало тревожно справедливого решения о войне... Дождался солдат!

Мимическая сцена. Керенский и двенадцать ослепительных офицеров его свиты. Один из офицеров сообщает нам, чуть подняв к козырьку руку в перчатке:

Офицер. Александр Федорович приказал довести мировую войну до решительной победы. Это стремление всенародное. Временное правительство, ограждая права родины, будет вполне соблюдать обязательства в отношении наших союзников: Англии, Франции, Бельгии, Италии и прочих.

Ведущий. Нетерпеливо требовали русского мяса и русской крови представители Англии, Франции, Бель-

тии, Италии и прочих... Крови, мяса русского, солдатского!..

Нетерпеливо играли союзники сигнал атаки.

Сигнал атаки.

Нет ответа на сигнал! Никто не идет в бой!

Нет охотников класть головы напрасно. И за что бы драться? По-старому все осталось!

Холодный голос кого-то невидимого. Солдаты не хотят воевать? Не хотят наступать? Ввести военно-полевые суды! Восстановить смертную казнь!

ЭПИЗОД II. СУД

Полумрак. Стол. Зеленое сукно. За столом три офицера. В середине председатель суда—офицер Икс. На груди у него Владимир с мечами. Перед столом солдат. На груди у него Георгиевский крест.

Председатель. Имя?

Солдат. Иван.

Председатель. Какой части?

Солдат *(окая)*. Флегонтов Костров.

Председатель. Какой части?

Солдат. Рядовой 458-го Суджанского пехотного полка.

Председатель. Присягу Временному правительству на верность принимал?

Солдат. Заставили подписать какую-то бумагу.

Председатель. Подсудимый Костров, вы обвиняетесь в отказе принять участие в наступлении и

одстрекательстве других к означенному действию. Іожете указать себе защитника по выбору.

Солдат *(тихо, немного удивленно)*. Кто же мне ащитник тут?.. Не нада...

Председатель. Подсудимый, что можете поазать?

Солдат *(тихо)*. С начала войны я в окопах. Знаит—три года... Вышла свобода... Землю нам нада. . А а что мне земля, если меня не будет — как убьют втаке!.. И за ково драться?.. Кто командиры наши? Іолковник кричал на собраньи: «Я, сволочь, вас сек и ечь буду и пятьдесят розог всыплю». Сегодня, грит, расный флаг, но не верьте свободе — завтра будет ерный и зеленый... Просили комитет убрать его, полковника, а в комитете кто? Внутренние враги позабиались. Нет правды...

Председатель. Говорите по существу, подсудимый...

Солдат. Я што знаю, то и говорю...

Председатель. Что можете добавить, подсудимый?

Солдат *(тихо)*. Довольно с нас таких правов, такого, чтобы было по старому закону... Только мы выйдем наступать, нас тут вот и побьют... Я же разведчик, сам лазил, у немцев проволки сколько рядов—я видел. Выйдем наступать — побьют. А земля кому?.. Вижу, куда гнет начальство, все ведь старые сидят...

Председатель. Садитесь, подсудимый. Все

обязаны уважать законы государства российского и указы Временного правительства. Суд приступает к голосованию. Приговор зависит от большинства голосов. Слово ваше, господин капитан.

Капитан. Дело ясно. Трус.

Солдат невольно смотрит на свой Георгиевский крест трогает его.

Дезертир. Виновен. К смертной казни.

Председатель. Господин поручик.

Поручик *(волнуясь)*. Несчастие родины — рас пропагандированные люди... Они портят нравственную атмосферу в войсках. Но я верю в русского солдата, знаю... Я в Галиции в 1914 году...

Председатель. Короче, господин поручик.

Поручик *(волнуясь и смущаясь)*. Все происходящее, конечно, ужасно... Перед лицом врага нельзя вносить в армию разлад... Кроме того, политическ волнения... Я голосую за необходимую меру...

Председатель. Именно?

Поручик. Я бы учел... смягчил... Но, конеч если нужно... Нет, нет, я не могу!

Председатель. Я понимаю вас, поручик... Вы «принципиально» против смертной казни... Один голос за, другой воздерживается... Подаю свой голос...

Пауза.

Подсудимый, встаньте! Ваше дело рассмотрено. Военно-полевой суд 14-го армейского корпуса, больш

ством двух голосов против одного, приговаривает ефрейтора 458-го Суджанского полка Кострова Ивана Флегонтовича *(пауза)* к смертной казни...

Дробь барабана. Темнеет.

Ведущий *(в зал)*. Это—свобода Временного правительства... Исполнителями приговора над солдатом, который был виновен в том, что не хотел драться не за свои интересы, исполнителями приговора не были солдаты. Солдаты не подняли винтовок на брата своего. Солдата расстреляли офицеры да ударники корниловские... Не успел ни с кем проститься солдат... Не успел и в лицо палачам посмотреть... Товарищи, которые живые! Хорошо запоминайте офицерский лик! Придет время — станут против нас — узнавайте, в лоб им цельте!..

ЭПИЗОД III В ЭШЕЛОНЕ

Ведущий. Прогремел Октябрь... Пошел год незабываемый—18-й. С германского фронта начался великий исход окопного народа. Будет с войной, пошабашили. Земля зовет!..

Эшелон с германского фронта. Теплушка. Пятеро солдат. В папахах, с котомками. Дверь прикрыта. Стук в дверь.

— Чево там?

— Пустите, братцы. Замерз.

— Полно и так. *(Между собой)*. Не пущать никово. К лешаму! Набьется тут разной сволочи...

Стук снова.

— Братцы, замерзаю!

Флегматик. Иди к чортовой матери!

Гармошка пиликает. Отсвет печки. Стук замерзающего.

Флегматик. Иди к чортовой матери!

Стук слабеет. Гармошка. Новый стук. Резко.

Новый голос снаружи. Гей, открывай! Забились, тараканы! Открывай!

Флегматик. Иди к чортовой матери!

Голос снаружи. Я вот тебе пойду! Открывай, слышь!

Яростный стук. В ответ из вагона гул: «Убирайсь... Разорался... горластый! Кипятком ошпарю, отскочь!»

Снаружи. Эй, берегись, с автомата дерну! Кости-кишки прошью! Ну?

В вагоне сразу тихо.

Один *(грубо-примиренно)*. Ты хто? С автоматом-то?

Снаружи. Отбился от свово шалона.

Из вагона. Какова?

Снаружи. Гвардии драгунского полка

Из вагона *(между собой)*. Пущай лезить, а то ошалел — ище и верно прошьет Ишь — гвардии... *(В дверь)*. Ну, лезь, эй!

Дверь со скрипом открывается. Вваливается Иван Сысоев. усатый. У него винтовка, шашка, сумка и ручной пулемет.

Один (весело). Эва — хотел в нас застрочить — ничего себе швейная машинка! *(Хохочут).*

Сысоев. Ну-ка, подсобляй — замерз тут упамший... под вагоном — пехотный один... Он к вам не дозвалси... Сидят тут, как богатыи.

Солдаты лезут, достают полутруп, волокут, трут его. он стонет.

Один *(зло).* Дверь закрой! Эй! Напустили, черти, холоду.

Дверь со скрипом закрывается. Гармошка пиликает. Снова стук [redacted] дверь.

Снаружи. Эй, там, открой!

Флегматик. Иди к чортовой матери!

Снаружи. Открой!

Сысоев. Полно здесь — некуды...

Снаружи. По-человечески говорю — открой!

Один *(дразня).* А ишо што?

Снаружи *(передразнивая [redacted] грозно).* Што ишо? Гранату хотите? Рвану!

Сысоев. Пущай лезить—в меня тоже, серьезный. *(В щель).* Лезь!

Дверь со скрипом отворяется. Влезает солдат—на нем шинель, котомка, папаха, на поясе граната Новицкого «фонарик».

Один *(весело).* Здоров, «гренадер»! Ишь сколько вас, гранатных таких, понаделали!

Ответ. Здоров!

Новый солдат тянется к печке. Гармошка пиликает. Сысоев курит, поглядывая на «гренадера». Кто-то храпит. Стук снова.

Снаружи. Гэй, выдчиныть! Чуетэ?

Один. Катись!

Флегматик. Иди к чортовой матери!

Снаружи. Пустыть, братцы, смэрз...

«Гренадер». Гоните его к чорту! Лазят тут!

Из вагона. Иди с богом.

Снаружи *(почти плача)*. Браттят, ой... я же ж раненый... Та пустить, браття... Та хиба ж вы нэ люди?

Флегматик. Иди к чортовой матери!

Другой. Некуды! Проваливай!..

Стон. Тихо. Кто-то гнусавит:

Три деревни—два села,
Восемь девок—один я...

ЭКРАН

Вспыхивают торопливые буквы юзограммы и слышен стук аппарата:

«Ростов-Дон, Юзовка, Бахмут, Луганск, Таганрог. Горловка, Дебальцево. Вне очереди, срочная, военная. Товарищи, враг очень близко и уже угрожает Донецкому бассейну. Немедленно отправляйте силы против контрреволюции... Завоевания рабочей и крестьянской революции в опасности. Разбойные банды гайдамаков и немцев врываются в глубь России и Украины, угрожают Петрограду, Одессе, Харькову. Все на защиту своих прав...»

Ведущий. По пятам эшелонов идут гайдамаки на Украине, стена стальных шлемов германо-австрий-

ских дивизий. Идут, и искры сыплются из-под кованных сапог...

Барабан.

Ой, быть беде! Стойте, товарищи, не бегите к дому!

В теплушке пляс и свист.

Нет, не слушают. Домой, домой!..

ЭПИЗОД IV. «ГРЕНАДЕР»

Тот же вагон. Те же солдаты. Отсвет печурки. Далекий гудок.

1-й голос. Долга стоять будем?

2-й голос. А вот начальника станции тиснут— так и пойдем. Са-ба-таш чиста!..

3-й голос. Стрелять гадов! Ишь — Гаврилы. Шалон держут.

У печки сидит бородатый солдат, к нему, проснувшись, подсаживается другой солдат—молодой комитетчик.

Солдат *(окая)*. С каково фронту, земляк?

Комитетчик. С германского. *(Шутливо)*. Годок.

Солдат. Отвоевались?

Комитетчик. Не совсем.

Солдат. Ну—начисто. Таперь кто ж против нас! Вваливай к бабам! Ой, доеду в деревню. *(Крякает)*. Живой баба с под меня не встанет. Попостилси...

Сысоев вдруг подходит к беседующим.

Сысоев. Земляки, эвон, видитя, у меня два зуба выбиты?

1-й голос. Ну, видим.

Сысоев. А знашь, кто выбил? Корнет, офицер наш. Ишо в 13-м годе. «Ни к чорту вы, грит, не годитесь...» На занятии эта. «Вида нет. Приемы плохо выходють...» И раз — по зубам. Два и вышиб. А потом на бруствер ен меня ставил под шашку. Стреляй, немец... Во!.. В революцию ен с полка убег...

1-й голос. Бывало... У нас тоже, вот, в Егарском полку под Ломжай...

Сысоев (*нетерпеливо*). Стой! Знашь, где этот офицер?

1-й голос. Ну?

Сысоев (*тихо*). Эвон он—«гренадер» — сидит. Переодетай.

«Гренадер» вскакивает, хватает гранату, солдаты к нему.

Офицер. Наз-зад! Берегись!

Все жмутся. Офицер, держа высоко гранату, плечом открывает дверь, спрыгивает на полотно, закрывает дверь на крюк и ускользает. Голоса:

— Убег!

— Ловка!

— Ч-чорт!

— Где ево тут на путях ночью сыщешь?!

Сысоев. Поймаю где — живово с'ем! Попомните!..

Флегматик *(вдогонку офицеру)*. ...ш к чортовой матери!

Комитетчик *(к бородатому собеседнику)*. Так говоришь, папаша, кто ж теперь против нас? Нету, мол? А этого видал? *(Жест в сторону беглеца)*. Не заметил? Куда они бегут? К Корнилову!

Взбудораженные солдаты слушают.

Комитетчик. Бить их надо итти сейчас, пока они не собрались. Организуются — плохо будет.

Голоса. Известна...

— Тада делов будет!

— Хвост накрутят кои-где!..

Комитетчик. Надо в отряды итти.

Голос *(насмешливо)*. Ета — в красно-гвардию?

Комитетчик. Да.

1-й голос *(насмешливо)*. Красную?

2-й голос. Ну, и иди... А мы—домой.

3-й голос. Не навоевался? Эх!

4-й голос. Вот поди — тибе офицера сделают, как бог черепаху сделал...

Гармонист. Ты што много понимаешь, умный? Большавик?

Комитетчик. Да.

1-й голос. Ну, и воюй, хто тибя держит... Вали один в цепь, рассыпайсь, во! Ха-ха-ха. Брось ево, ребяты!

Гармонист дает задорный мотив. Один притопывает. Свис...

ЭКРАН

«Завоеваниям революции угрожает опасность. Товарищи, формируйте отряды. Задерживайте врага...»

1-й голос. Эй, большавик, чиво стоишь? Иди вдарь ножкой!

2-й голос. Не журысь!

3-й голос *(давясь смехом)*. Ен ноги берегеть, иму ишо воевать нада. Гы-гы...

Комитетчик. Да, земляки. Придется хватить. И вы попоходите с трехлинейкой.

1-й голос *(к комитетчику зло)*. Закройсь там!..

Пляска, свист.

Ведущий. Домой, домой!.. И ничего кругом не видит окопный народ. А на Дон офицеры идут... А на Украину идет армия Вильгельма...

ЭПИЗОД V. ТРИ ОТРЯДА

Та же теплушка. Храп. В чуть приоткрытую дверь, в рассвет, смотрит задумчиво комитетчик.

Ведущий. Разве ж, наконец, никто не видит, что кругом вырастают вражьи отряды?! Кто видит, эй?.. Вот они. Идут. Матросы. Красногвардейцы...

Мимо эшелона мерная поступь людей.

Комитетчик. Какая часть, товарищи?

Голос. Первый луганский социалистический партизанский отряд.

Комитетчик. Кто во главе?

Комитетчик. Кто он такой?

Голос. Луганский рабочий.

Ведущий. Идет еще отряд.

Мерная поступь.

Комитетчик. Какой отряд, товарищи?

Голос. Партизанский добровольческий Красной армии — шахтеры.

Комитетчик. Кто во главе?

Голос. Щаденко.

Комитетчик. Кто он такой?

Голос. Донской области портной.

Ведущий. Идет еще отряд, шинели старые, виды видывали, бойцы на заказ—здоровые, суровые.

Комитетчик. Какой отряд, товарищи?

Голос. Коннай партизанскай.

Комитетчик. Кто во главе?

Голос. Буденнай.

Комитетчик. Кто он такой?

Голос. Старай солдат, драгун. Мужик малосостоятельнай.

Комитетчик. Я с вами.

Голос. Вали!

Комитетчик спрыгивает вниз. В теплушке храп. Кто-то просыпается. Хрипит: «Опять, черти, холоду напустили Сволочь!..»

ЭПИ...

Ведущий. Немецкие и австро-германские дивизии шли стеной на Украину и Дон. Кованые сапоги с искрами выбивали шаг.

Барабан.

Шли рядом белоофицерские русские части, беспощадный полк Дроздовского. С румынского фронта. На Ростов. На штык брать «хамье».

Барабан.

На Дону уже атаман-генерал. Слал полковников и есаулов—Гниротыбова, Попова, Чернецова, Семилетова, Грекова... Слал остановить захват земли... Пошла на крестьян охота, как на зверя... Двинулся и Корнилов...

ЭПИЗОД VII. СЕЛО ЛЕЖАНКА [1]

Ведущий. Коротка была свобода крестьян — вернувшихся с германского фронта солдат. Считанные дни. Пошли по станицам калединцы и корниловцы, пошли по селам и хуторам... Пошли народ освобождать от комиссарского ига. Идут, освобождают... С боем берут село Лежанку, Ставропольской губернии.

Изба. Группа белых офицеров в походных зимних формах

1-й офицер. Гаспада... Знаете историю пленных большевиков? Подполковник Нежинцев, коман...

---

[1] Здесь я даю слово корниловскому офицеру Роману Гулю. Эпизод сделан по его книге «Ледяной поход». Пусть белые сами о себе скажут. Автор.

Корниловского полка, приказал: «Желающие на расправу». Нас вышло пятнадцать ч'к. Смотрим — морды сплошь комиссарские — хамье. Натурально — «Взв-о-о-д... пли!»

2-й офицер *(Икс)*. На такую сволочь патроны тратить? Вот она, матушка, вот он, батюшка. *(Поднимает винтовку, хлопает по прикладу и штыку).*

3-й офицер. А как пороли, расскажите, капитан. Я не успел...

4-й офицер. А вы где были? В резерве прячетесь?.. Сначала мы закусили... маленькое такое «дэжензэ»... Курочек половили... Обыск, конечно. После завтрака. Поймали много — местные, из бывших солдат... «Всыпать им по пятьдесят плетей». На площади у церкви — в шеренгу. «Снимай штаны!» Сняли. «Ложись!» Легли. Порем. Есаул подходит: «Что вы можете? Разве так порют? Вот как надо!» Взял плеть и сразу до крови... Очень мило...

2-й офицер. Есаул, покажите нагайку.

Есаул *(поднимая нагайку)*. Красненькая.

3-й офицер *(глуповато)*. От крови?

Есаул. Нет, от клюквы...

Офицеры смеются и рассматривают нагайку.

Ведущий. На улице были видны робко вышедшие жители: дети, бабы. На площади в разных позах лежали расстрелянные. Налетал ветер, подымал их волосы, шевелил их одежды, а они лежали, как дере-

вянные. Вышла одна баба, подошла и стала рассматривать под ряд. Кто лежал вниз, приподнимала и опять осторожно опускала, будто боялась сделать больно. Обходила всех. Около одного упала, сначала на колени, потом на грудь убитого и жалобно, громко заплакала: «Голубчик мой, господи, господи...» Плача, укладывала тело кормильца в телегу...

Офицер. Господа, о-о! Здесь есть граммофон. Угодно вальс? Вальс женераль!.. Ангаже во дам! *(Пускает граммофон).* Вальсэ!..

Граммофон играет вальс из «Евгения Онегина» (бал у Лариных). Офицеры кружатся.

Ведущий. 507 трупов оставили в селе Лежанка Ставропольской губернии части генерала Корнилова. И так же было в других селах, станицах—по Кубани, Манычу, Салу, Дону... Это шли за родину лихие офицеры.

Офицеры кружатся в вальсе.

ЭПИЗОД VIII. НЕТ НЕЙТРАЛЬНЫХ

Ведущий. Тихо, сладко живут кое-где фронтовики окопные... С бабами милуются. Свобода!..

Сцена 1-я

Завалинка

Сысоев *(сидит, философствует).* Сдурел народ. Ему в спокой надо приходить... вот бы как я... Хорошо дома... Нитральтет надо всем держать...

Мурлыкает песенку. Входит офицер и два белых партизана. На папахах у них белые черепа. Пауза.

Офицер *(к Сысоеву)*. Ты кто такой? Встать!

Сысоев *(лениво двигается)*.

Офицер *(бьет с силой плетью по лавке)*. Вставать!

Сысоев *(мгновенно руки по швам)*.

Офицер. Ты откуда? Кто? Документы!

Сысоев *(стоит, как полагается стоять императорскому гвардейцу)*. Так что лейб-гвардии драгунского полка первого эскадрона солдат с германского фронта.

Офицер. А как меня назвать надо?

Пауза.

Сысоев *(с трудом)*. Вашсокродь!

Офицер *(доволен)*. Так, лейб-драгун, службу знаешь. Пригодишься. Можешь собираться. Живей! Мобилизация!

Сцена 2-я

Ведущий. Вольготно жилось дома и казакам.

Завалинка. Сидит казак, потягивается.

Казак. И-эх, житье! Баба, приняси-ка квасу испить! *(Мурлыкает песенку)*.

Шаги. Казак, не поворачивая головы, протягивает руку за ковшом. Перед ним офицер и два белых партизана. На черных папахах у них белые черепа.

Офицер. Здорово, казак!

Казак (*вскакивает. Обалдел*).

Офицер (*властно и требовательно*). Здорово, казак!

Казак. Здравья желаю... (*Замялся*).

Офицер. Ну?

Казак (*вспомнив, весело*). Ваше сокблагородие!

Офицер. Какого полка?

Казак. 14 донского казачьего, ваше сокблагородие.

Офицер. Ага, в Петрограде были—большевички? Ну, ладно, дурь бросишь. Мобилизация об'явлена. Собираться... Живей.

Казак (*с готовностью*). Слушаю, ваше сокблагородие.

Ведущий. Кончилась медовая жизнь вернувшихся фронтовиков — и было ей счету на дни... Нет в гражданской войне нейтральных, не станешь в сторонку. Всяк задаст вопрос: ты с кем, за что, за кого? И должен каждый сказать — с кем он, за что, за кого. Не станешь в сторонку!

ЭПИЗОД IX. ВСТРЕЧА

Ведущий. В тревожное то время на путях-дорогах степных просто не пройдешь, не проедешь...

Темно. Степь. Курганы. Медленно выходят с двух сторон двое. Зачуяв друг друга, останавливаются.

— Кто идет?

— Свой.

— Какой свой?

— Ну, свой... Здешняй.

— А ты чей?

— Свой... А ты кто такой?

— Тожа свой...

— Тьфу!

Пауза. Делают движение и испуганно отскакивают

— Оружые есть?

— А в тибе?

— Ну, скажем, нету...

— Ну, и у мене вроде...

— Да ты не бойсь!

— Чего бояться — ты бы не боялси!..

— Я?

— А я?!

Медленно сходятся.

— Ну, здоров!

— Здоров.

— Куды путь держишь?

— А ты?

— Так, тут неподалече, домашняя забота...

— И у миня тожа...

Пауза.

Ведущий. На степных путях-дорогах в то время за одно слово «товарищ» прощались с жизнью...

Встретились, а разойтись — ноги не идут: в затылок один и другой пулю получить боятся...

— Закурим?

— Закурим!

Свертывают цыгарки.

— Где служил, земляк?

— В лейб-драгунах пришлось. В гвардии. А ты — казак?

— Ыгы, казак.

Пауза. При огоньке спички испуганно и пытливо разглядывают друг друга.

Казак. Будто ты знакомай мне.

Драгун. Все может статься, мало, што ли, людей встречаешь.

Казак (*хитрит*). Быдто сурьезно поспорили мы с тобой. Ехавши у Барановичей. Ты все за Ленина голос держал...

Драгун (*сухо*). А может ты обознался, станичник?

Казак (*согласно*). Може...

Пауза.

Драгун (*Сысоев*). Прощевай, што ль...

Казак. Прощевай!

Сысоев (*вдруг*). Ох, и храбрые мы с тобой!

Казак. Чаво ж?

Сысоев. Напрямки давай! Куды идешь, хто такой? Я к большавикам подаюсь... Ну?

Руку к поясу.

Казак. Ох, друг, я ведь чуть тибе не зарубил. У меня шашка здесь *(распахивает полу).*

Сысоев. И у меня, брат, припасёна. *(Распахивает полу).* Чего подаешься?

Казак. Моблизуют. Кой-чево в хозяйстве позабрали фуражиры офицерские — сучьи дети... Сапоги берег—еще с позицьи вез—забрали! Ты, грит, большевик, босота. Верна,—не ряжусь в атаманы...

Сысоев. Вместях пойдем? Тут меньше на людях надо быть. Огибом иттить... куда-нибудь и выйдем... Где-та, сказывали, наши... красные есть. Буденный, што ль, в их командир...

Казак. Пойдем... Ну, прощай, родная сторона...

Уходят, тихо поют.

Песня

Поехал казак на чужбину далеку
На добром на верном коне на своем вороном.
Свою он краину навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом.
Напрасно казачка его молодая
Все утро и вечер на север глядит,
Все ждет-поджидает, с далекого края
Когда ж ее милый казак прилетит.
А там за горами, где вьются мятели,
Зимою морозы лютые трещат,
Где сдвинулись грозно и сосны и ели—
Казачии кости под снегом лежат.
Казак и просил и молил, умирая,
Насыпать курган ему большой в головах.
Пущай на том кургане калина родная
Растет и красуется в ярких цветах.

Песня замирает вдали.

Ведущий. Испробовали белого счастья, служивые? Почуяли, какое где право? Вспомнили службу царскую, парады приятные, веселье смертное, зубобой офицерский — всю собачью долю?! Взяли землю? Отдаст ее атаман — жди! Вспомнили, служивые, для чего шашки служат и што с ними сделать можно?.. В добрый путь, товарищи, новые красные партизаны!.. Держите к Царицыну!..

Наростает буденновский мотив и в походных формах 1918 г. выходят молча и выстраиваются партизаны-буденновцы. Сверкают клинки. Один ответ: «Знаем, для чего шашки служат!»

ЦИКЛ ВТОРОЙ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

ЭПИЗОД I. «КАК У НАС С КОННИЦЕЙ?»

Ведущий. Весна 1918-го. Царицын. От Дона рукой подать... К Царицыну пришли партизаны. В Царицыне стали...

Штаб боевого участка. У стола пожилой командир. Говорит с кем-то по телефону.

Командир (*устало, ровно*). Да, да... Пленные показывают... Ясно—нужно удержать. Всего доброго. Да, да... любой ценой. (*Вешает трубку. Подходит к карте России*). Промышленный центр... узел дорог. Царицын... С фланга ударить по казачьей армии, как только она сунется к Москве. (*Прикидывает направление*). Хватит ли сил?..

Входят два командира. В гимнастерках. Младший — бывший комитетчик из эшелона. Сходятся с первым, здороваются. Один—старший из вошедших—протягивает командиру бумажку, наизусть сообщает ее содержание.

Старший командир. Вот: «Оборонять Царицын любой ценой. Отступления быть не может. Реввоенсовет Х-й армии: Сталин. Ворошилов...»

1-й командир. Разберем данные разведки.

2-й командир. Против нас — донская армия...

1-й командир. Старые знакомцы!

2-й командир. Царскую бригаду учтите: лейб-гвардии атаманский полк и лейб-гвардии казачий... *(К младшему)*. У вас еще данные?

Младший командир. Фланг казаков слева обеспечен: германские корпуса — три их — генерала фон Кнерзера — стоят по Азовью до границ войска Донского. Фронтовые казачьи дивизии дополнены мобилизациями. В тылу, в районе Ростова, обучается «постоянная армия» из молодых казаков. Предвидится переброска против нас свежих деникинских офицерских кавказских частей...

1-й командир. Так... Три тысячи... шесть и три — девять, да шесть — пятнадцать, да три и три — шесть, пятнадцать и шесть — двадцать один. Далее еще три дивизии... шесть и шесть — восемнадцать. Так... Против нас до 40 000... Орудий, по сводке, — 93

2-й командир. Н-да...

Младший командир. Будем принимать.

2-й командир. У противника много конницы.

Младший командир. Как у нас с конницей?

Входят казак и Сысоев. Подойдя вплотную к командиру.

казак кашляет и серьезно, деликатно спрашивает: «Дозвольте войти?»

1-й командир. Что скажете, товарищи?

Сысоев. Пишемся в добровольцы.

Казак (*поспешно*). Только в кавалерию... Примете?

1-й командир. А почему вы к нам идете?

Сысоев (*строго и вежливо*). Не к вам, а к себе, к своим идем.

1-й командир. Да, верно, я сказал не так...

Казак. Так принимаете? В кавалерию?

1-й командир (*указывая на младшего*). Вот этот товарищ вас запишет.

Младший командир, казак и Сысоев отходят в сторону.

Мл. командир. Служить без срока — время военное.

Оба. Знаем.

Мл. командир. Держаться до последнего.

Оба. Знаем.

Казак. Для пользы народа.

Мл. командир. На земле спать, своей шинелью укрываться.

Оба. Знаем.

Мл. командир. Совестью не кривить: Красная армия, не другая.

Сысоев. Как на присяге.

Казак. Пусть глаза лопнут...

Мл. командир. Ну, тогда к нам. Зачислим в 1-й рабоче-крестьянский карательный социалистический кавалерийский полк. Валите к командиру бригады, к товарищу... *(вспомнил)* Буденному.

Оба. Счастливо оставаться.

С выправкой, чувствуя себя вновь на службе, выходят «как полагается». Встречаясь с ними, входит рабочий. Он в финской шапке и черном полупальто. Протягивает молча руку пожилому к-ру. Тот жмет ее. Рабочий подает ему бумажку. 2-й командир и младший смотрят на рабочего.

1-й командир. Партийный — добровольцем?

Рабочий *(кивает головой: «спрашиваешь, мол!»).*

1-й командир. Из Питера?

Рабочий *(кивает головой).*

1-й командир *(чиркая резолюцию).* В комиссарский состав?

Рабочий *(кивает головой и уходит).*

1-й командир. Формируемся. Видите. Идут.

Мл. командир. Что же, надо надеяться.

Ведущий. Над Царицыном нависала гроза. Кадровая казачья армия медленно надвигалась на вчерашних партизан — ставших 10-й армией. Становились защитники Царицына на места торжественно-строго.. Встречать врага... Решительным, а для многих тысяч последним боем...

ЭПИЗОД II. «КОГО НА ИСПУГ БЕРЕТЕ?»

Ведущий. До весны 1919 — год целый — в невиданных сечах бились царицынцы. Под самый горо

казачьи лавы — сметы им нет! — подходили. Нет! Не взять Царицына!

Чудесны бойцы, вставшие в 1918-м! Мятежным вихрем крестьянским неслись по степям Дона, Кубани и Ставрополья, бились неправдоподобно смело... Но было и так — разгоряченные, хмельные от боев, от удали — не мирились с отточенным порядком, со строгостью.

Площадь у штаба. Дом. Пика у крыльца. На пике красный флажок. Вывеска мелом «Штаб». У крыльца беспорядочная толпа вооруженных партизан, в кавалерийских бурках, черкесках и пехотных формах. Гул с истерическими выкриками.

Голоса. Давай сюды комиссара! Куды спряталси?

— Дожили — старый режим вертают!

— За что деремся?

— Нашо право!

Сысоев *(выходя вперед)*. Комиссар, выходи! Народ требует!

— Товарищи, стой как один!

В толпе выделяется чисто одетый боец, чубатый хват, в алых галифе, с револьвером в руках: Он держит речь:

Боец. Мы боссыи и голлыи. Оны в коже ходют. Мы страдаим. Оны на бархате сплят. За чьто, товарищи? А с нас насмешки строят, ни в чьто ставят... *(Гул: «правильно»)*. Скоро нас всех снистожат. Позабирают в особый отдел по одному... *(Гул: «правильно»)*. Требуим: освободить невинных арестованных! Давай их

сюда! Комиссара к ответу! Так, товарищи? *(Гул: «правильно»).* За какое дело арестовать? А?! Я спрашиваю: за как-кое дело? А? Это бойцу может честь перед комиссаром нада отдавать!

Гул.

Голос. Давай комиссара! Иде он, жжяба?

Сысоев. Вернуть арестованных!

Голоса. А то штаб порубаем!

— Комиссара!

— Дае-ошь!

— Га-а-а!

Гул. Входит рабочий. Он комиссар. В гимнастерке. Пауза и гул ярости.

Голоса. Сучий бог, што, в гроб захотел? Арестовать?!

— На шею сесть хотишь?

— Енерала ломаешь — на нас плюваишь? Я вот тибе плюну с нагана. *(Над головой бойца наган).*

Толпа приливает к крыльцу.

Голос. Ноги с заду выдернем!

Сысоев. Освобождай арестованных бойцов!

Рабочий *(покрывая всех голосом, бросает).* Не галдеть! Кого на испуг берете? Коммуниста-большевика на испуг берете?! Не галдеть! *(Вспышка гула, но тише).* По порядку! Говори один! В чем дело?

Боец в галифе с наганом *(«покупает» и бодрит бойцов. Говорит сначала тихо).* Мы тибе на бога не бирем. Мы тебе говорим — брось замашьку. Счас приказ давай: освободить арестованных бойцов *(раз'ярились).* Мы боссыи и голлыи. Ты в коже ходишь! *(Комиссар в гимнастерке).* Народ арестуешь. Тов-варищи! Правильна я гаварю? *(Гул злобы и одобренья).*

Рабочий. Арестованы два бойца за отказ выполнить боевой приказ советской власти. Раз. Кто не выполняет приказа советской власти, тот наш враг. Пособник атаманов. Два. Невыполнение приказов поведет к развалу. Фронт рухнет. Офицеры вас передушат. Верно ведь? Три. Вы этого хотите?

Пауза. Гул. В толпе замешательство.

Боец в галифе. Товарищи! Глаза залепляет он вам! Мороку клеит! Гад! *(Истерично).* Мы боссыи и голлыи. Где правда? За што бьемся? Штоб арестовывали?

Гул возрастает. К комиссару подходит бочком писарь с очередной бумажкой. Комиссар внимательно ее читает. Толпа ревет. Комиссар прочел бумажку, полез в карман, достал печатку, поковырял пальцем — грязь набилась же! Подышал на печатку и поставил печать на бумажку.

Рабочий *(покрывая гул).* За что бьемся? За Советы За наши. Крестьянские. Рабочие. Верно ведь? Большевики ведут. Наша партия. Что приказывает — сделать. Повиноваться!

Гул спадает

Боец в галифе. Тут не старай режим — тянуться да повиноваться. Правильно, товарищи?

Общее молчание. Один только крик «правильна!» Перелом.

Рабочий (*презрительно в сторону «галифе»*). Нам бойцы нужны, а не горлопаны митинговые.

Боец в галифе. М-м-ы кадетов били. Я сам ранетый был!.. Товарищи, нас оскорбляют в лицо!

Рабочий. А теперь, если вот так — «га-а» (*жест в сторону толпы*) — кадеты нас побьют.

Пауза

Рабочий (*беря инициативу*). Бойцы! Приказ ясен. Арестованные будут отданы под суд. Каждый узнает, что постановит суд. Наш суд. Рабочий. Крестьянский. Виновные понесут наказанье. В бою кто изменяет, тот не наш. Верно ведь? Кто не согласен со мной?.. А ну, кто не хочет исполнять порядки Красной армии? Кто? Тот может сдавать оружие и катиться.

1-й голос. Ну, рази можно?

Сысоев. Пусть к офицарам катится, кто изменил.

2-й голос. Оружие для бою нада.

3-й голос. Кто изменит — руби ево!

Голоса. Верна.

Боец в галифе жмет плечами, улыбается и уходит танцующей походкой в толпу: «для вас, мол, старался, а мне што!»

Рабочий. Все в порядке, товарищи?

Голоса. А што ж! В порядке.

Сысоев. Ясна. Суд разберется... Сами понимаем...

Рабочий. Можно разойтись, товарищи?

Ведущий. Так партия, руками политических работников, не знавших колебаний и страха, выковывала регулярные полки, бригады, дивизии, корпуса, армии. Воля партии была выполнена, и армии—наши армии—были созданы.

ЭПИЗОД III. ПОД ТЕМНЫМ НЕБОМ

Ведущий. Буденновский полк в боях растет — идут в него люди с алыми бантами... Служить без срока, для пользы народа, держаться до последнего, совестью не кривить... И слово данное держат, ценят выше жизни своей... Дивизия уже у Буденного. Побила эта дивизия корпус кубанский генерала Покровского. Но попали в плен пять братанов буденновцев.

Полумрак. Степь. Курганы. Пять пленных буденновцев. В белье. Стоит офицер Икс с нагайкой, несколько белых.

Ведущий *(и голос тут дрожит — нельзя же быть спокойным,—поймите же, — умирают братья!)*. Прощайте, лихие честные головы, братаны буденновские! Нет больше коней под вами, нет в руке острой шашки и не вьется красный штандарт над полком... Под темным небом кончается жизнь, в степи, где сызмальства знали простор, с табунами ходили, потом—мужиками стали, землю пахали... Умирать пришла пора. Сердца горячие остынут и навсегда закроются глаза...

Пауза

Офицер. Молитесь!

Буденновцы *(холодно)*. Некому.

Ведущий. Но дрогнуло белое сердце офицерское — белое оттого, что высохла кровь в нем от злобы. Что, дрогнуло белое сердце офицерское? Жалко стало лихих буденновцев?..

Офицер *(милостиво)*. Расстреливать не будем.

Стоят пленные ровно.

Ведущий. Мила, несказанно мила жизнь каждому. Каждая травиночка сладка, даже полыни горький стебель. Как жить-то хочется, жить и где-то снова кипеть кровью и где-то снова найти свои родные полки... А где они?..

Чуть слышный буденновский мотив. Ветер с севера донес.

Ведущий. Стоят, не чуя ног, не чуя рук. Жизнь будет, жизнь!..

Офицер *(ласково)*. Не будем вас расстреливать...

Ведущий. Только, может, за эту милость в руки шашку дадут и пошлют своих рубить? Не будет буденновец атаманам служить! И ни один не кажет покорности.

Офицер. Не будем расстреливать вас... *(Пауза)* а... живьем зако-паем... Живее яму для них, эй!..

Белые быстро двигаются. Падают в яму тела. Кто-то из братанов кричит тихо: «а-а-а-а»...

Ведущий. Угасают жизни. Не знает пощады враг, не милует. Тронули атаманов, господ растрево-

жили—ум у них мутится, злоба душит, добро свое зубами хотят удержать.

В степи под темным небом живьем столкнули в могилу буденновцев пленных... Пропали... Навсегда... Совестью не скривили — служили в Красной армии...

ЭПИЗОД IV. НА МОСКВУ!

Ведущий. 153 000 у генерала Деникина. Бросает генерал Деникин эти силы вперед. Отдает генерал Деникин приказ перейти в наступление «всем фронтом от Волги до румынской границы». На Москву! На Москву! Идут ударные офицерские дивизии генерала Деникина: корниловская, марковская, дроздовская, алексеевская...

Белыми взят Харьков!..

Белыми взять Курск! Белыми взять Орел! Белые идут на Тулу!.. Москва! Москва!

Выходят офицеры. Они страшны и сильны.

Офицерский хор:

Марш вперед, труба зовет,
Марковские роты,
Звук лихой зовет нас в бой!
К чорту все заботы!

Ведущий Пойте, белые. А партия, наша партия, будет говорить. И голос партии раздался: «Советской республике необходима конница. Рабочие Златоуста дадут сабли. Кожевники дадут седла. В степях возьмем лошадей... Нужно, чтобы коммунист стал ка-

валеристом. На коня, пролетарий!..» И конная сила наша пошла!

ЭПИЗОД V. У КАСТОРНОЙ

Ведущий. Конкорпусу Буденного овладеть Воронежем и районом Касторной и отрезать главные силы армии Деникина.

Команда. К бою!

Сигнал.

— Шашки вон!

Ведущий. Пошла, пошла конница Буденного.

Мотив буденновский: «С неба полуденного...»

Держись! Рраз! Получай, белые конники, получай! Два! Ах! Так! И-эх... Свету не взвидели Шкуро и Мамонтов. Прорван белый фронт!

Мотив наш нарастает.

По белым тылам айда конники Буденного! На Касторную! И корпус взлетел на линию железной дороги!

Сразу все тихо.

На сцене влево — телеграфная комната одной ж.-д. станции на линии у Касторной. У аппарата — кавалерист в полушубке и папахе. У него горбатый нос и усы — и его профиль знает весь СССР. С ним второй, помоложе. У ключа аппарата Морзе телеграфист.

На сцене вправо — другая телеграфная комната другой ж.-д. станции на линии у Касторной. У аппарата два офицера: полковник и поручик. У ключа телеграфист.

В середине сцены мглистая голубая зимняя ночная даль, телеграфные столбы, уходящие далеко.

У с а т ы й *(к испуганному телеграфисту, желая мягко, но несколько сурово).* Не бояться, не бояться... Ничего худого не сделаем.

Т е л е г р а ф и с т. Точно так, так точно, господин...

У с а т ы й. Мы — красные.

Т е л е г р а ф и с т. Так точно, так точно...

У с а т ы й. Линия в целости?

Т е л е г р а ф и с т. Так точно, так точно...

У с а т ы й. Успокойтесь, товарищ дорогой *(кладет руку на плечо телеграфиста. Пауза. Тот понемногу успокаивается).*

У с а т ы й *(набрасывает на листке несколько слов. Показывает ад'ютанту).*

П о л к о в н и к *(справа, телеграфисту).* Вызовите-ка соседнюю станцию.

Телеграфист начинает работать ключом. Лента бежит у красных. У аппарата слева, когда побежала лента, все затихли.

У с а т ы й. Ага! *(Телеграфисту).* Читайте, товарищ, ленту. Только без ошибок.

Т е л е г р а ф и с т. Проверяйте, пожалуйста.

О ф и ц е р *(справа, диктует).* «Сообщите обстановку»...

Бежит лента у красных. Телеграфист читает усатому: «Сообщите обстановку».

Усатый *(диктует)*. «Наседает Буденный. Вышлите бронепоезд».

Телеграфист. Передаю. *(Дает это сообщение)*.

Лента теперь бежит у белых.

Офицер *(читает)*. «Наседает Буденный, вышлите бронепоезд»...

Офицер *(диктует в ответ)*. «Сообщите, кто отдает приказ».

Ключ работает. Бежит лента слева. Телеграфист читает усатому: «Сообщите, кто отдает приказ?»

Усатый на миг задумывается и диктует:

«Начальник дивизии генерал-майор Румянцев».

Работает ключ. Справа бежит лента, и второй телеграфист читает офицерам: «Начальник дивизии генерал-майор Румянцев».

Офицер *(диктует)*. «Для точности сообщите имя и отчество».

Ключ работает. Слева бежит лента. Телеграфист читает усатому: «Сообщите имя и отчество». Пауза.

Усатый *(молодому)*. Здорово!.. Проверка... Как имя и отчество взятого в плен белого генерала?

Молодой *(быстро смотрит в записную книжку и сообщает)*. Михаил Константинович.

Усатый *(телеграфисту)*. Ну-ка, дайте им: «Михаил Константинович».

Телеграфист выстукивает. Справа бежит лента. Второй телеграфист читает офицерам: «Михаил Константинович».

П о л к о в н и к. Все в порядке. *(Поручику).* Поручик, надо выслать бронепоезд «Офицер». Он на четвертом пути. *(Телеграфисту).* Давайте: «Высылаем бронепоезд «Офицер». Снабдите его боезапасом—израсходован почти весь».

Бежит лента слева. Телеграфист читает усатому: «Высылаем бронепоезд «Офицер». Снабдите его боезапасом—израсходован весь».

У с а т ы й *(кивает головой. Диктует):* «Боезапас будет дан».

Телеграфист выстукивает. Справа бежит лента: «Боезапас будет дан».

В левую телеграфную вваливается какой-то кавалерист в бурке.

К а в а л е р и с т *(усачу, рапортуя).* Товарищ Буденный *(телеграфист мгновенно вскакивает, глядя на усатого)*, 36-й полк сейчас тут... В темноте налетели, ну — они чикнули залп. Все как следовает *(жест).* Афицара—рота была их, оказывается. Ну, мы рубанули *(жест).* Мокро. Только пар идет от офицеров...

Б у д е н н ы й. Так. Сейчас бронепоезд белый надо принять...

Буденный жмет руку телеграфисту. Справа и слева все погружается во мрак. По линии железной дороги чуть искрит бронепоезд, идущий влево.

ЭПИЗОД VI. ЗАХВАТ «ОФИЦЕРА»

Станция. Темно. Командир кавалерийского полка, бывший комитетчик из эшелона (в бурке) ходит с электрическим фонариком. Падают полоски света. Лежит цепь бойцов.

К о м а н д и р. Не балдеть только, товарищи... Как подойдет—так спокойно. Заберем за милую душу.

Г о л о с а. Понятно, товарищ комполка!

— Ланно!

К о м а н д и р. Норови гранатами, если что. Суй их в бойницы. Гляди, где дыры в броне... Взводный Сысоев, возьми-ка трех, живо пути рвать, как подойдет...

С ы с о е в. Слушаю... А ну, идем... Архипов! Калиберда... Охрименко!.. Шевелись... Шнур у меня...

Уходят.

К о м а н д и р *(к цепи)*. Да гляди, где дыры в броне, щупай.

И з ц е п и *(двусмысленно)*. Ланно. Пощупаим — ета мы имеим!

К о м а н д и р. Своих не подстреливать. В темноте, главное, чтоб ясно все было... Понятно?

Б о е ц *(серьезно)*. Ну, как же, понятно, конечно, чтоб в темноте все ясна была.

К о м а н д и р. Вот. У них как будто нет патронов и снарядов. Думают у нас получить. Но мало ли что — стрелять будут—норови ниже, пригинайся, ползи, угол сниженья у них не хватит... Ну, все ясно?

Г о л о с а. Все! Ползи ниже...

— Понятно!

— В точку!

К а к о й - т о б о е ц *(просительно)*. А ежели часики там иль сапоги... можно-а?

1 - й г о л о с. Ишь, часовщик!

2-й голос. По карманам, барахольщик, целишь?!

Командир. Так, товарищи, только по сигналу. Один свисток—ползи, клади шпалы под колеса, суй все, что припасёно. Два—пошел *(Строевым голосом)*. Оправиться, можно закурить.

Тихо. Темно. Во тьме, слабо просвечивая через прорези бойниц и амбразур — бронепоезд. Лязг металла, шипение. Бронепоезд подошел. Открывается бортовая дверца бронепоездной площадки и виден силуэт офицера.

Офицер. Кто тут от штаба дивизии?

Командир. Пожалуйста, сюда, сюда.

Офицер *(идет на свет фонарика и говорит)*. Сейчас же нужно принять боезапас... С кем имею честь?

Свет падает на офицера.

Командир *(шипит)*. Командир Буденновского кавалерийского полка.

Офицéр. Как Буденновского?

Командир. Так.

Фонарик тухнет. Удар шашки, падение тела, слабый вскрик. В полевой свисток одна сильная трель. Шевелятся тени. Ползут. Стук работ. Дверца в бронепоезде захлопывается. Крик на бронепоезде: «Что там? Подождите?!» В темноте к командиру полка подбегает Сысоев.

Сысоев. Товариц командир, путя подорваны...

Командир. С той и другой стороны?.. Смотри, Сысоев!..

Сысоев. С обоих сторон, садануло чисто.

Командир. Слушайте, эй, на «Офицере!» Вы отрезаны нами. С места не сойдете — под колеса и в колеса положены шпалы и рельсы. Здесь буденновцы. Сдавайтесь!

Бронепоезд делает тяжелое движение, треск, и потом все стихает. Бронепоезд не может двигаться.

Командир. Сдавайтесь!

3-й голос из цепи. Шарнуть ба их, а?

2-й голос. Лежи!

Бронепоезд вдруг дает пулеметную очередь.

Командир. Ложи-ись... Кто там побежал, я вот тебе побегаю, мать твою... Ах ты, стервец!

Вторая очередь... Все затихает.

Ведущий. Бронепоезд отбивался. Расстреляв последние пулеметные ленты. Остаток боезапаса. Бронепоезд стоял неподвижно, как тюрьма...

Голос из цепи *(просяще)*. Шарнуть ба их, а, товарищ командир?

Командир. Лежать тихо. Глядеть в оба. Целым его возьмем. *(В сторону бронепоезда)*. Сдавайтесь.

Слышен лязг бортовой дверцы, показывается силуэт кого-то офицера.

1-й голос бойца из цепи. Куды суешься, дур-ра?..

Дверца захлопывается.

2-й голос из цепи *(моляще)*. Шарнуть ба,

Сысоев. Лежи, я и сам шарнул ба... Может однова знакомова офицера найду... Живова с'ем. Ево не троньте, ребята, если тут. Мне дайте. Нос с горбинкой у ево и бородавка...

Командир. Ти-ха!

Из рядов озорной кто-то *(звонко)*. Эй, беляки, ку-ку!

Смешок.

Командир *(повторяет)*. Лежать тихо! *(К поезду)*. Последний раз—сдавайтесь! Сейчас пустим в ход гранаты.

Из бронепоезда слышен, наконец, ответ — приглушенно, в щелку.

Голос из бронепоезда. Ваша взяла. Сейчас можете нас получить по счету. Всех. Господа офицеры, всех, без исключения? По счету?

Голоса в бронепоезде. Да, да, точно так...

Голос из бронепоезда. Эй, слышите— всех по счету, без исключения. По порядку номеров, господа офицеры. Первый!

В бронепоезде — выстрел из револьвера. За ним другой, третий, четвертый... Всего десять выстрелов... Падения тел.

1-й голос из цепи *(насмешливо)*. Тожа. Организованныи...

2-й голос. Ну, царство им турецкое!

3-й голос. Забирай гостинец!

4-й голос. Был «Офицер», да весь вышел.

Сысоев. Ну, посмотрю... Нет ли...

Тени движутся к бронепоезду.

ЭПИЗОД VII. ВСТРЕЧА

Ведущий. Идет Конная! Дневка выпала короткая... Стали...

В кружке буденновцы поют песню:

Кукушка лесовая
Нам годы говорит,
А пуля роковая
Нам годы коротит...

1-й голос (*«заливает»*). И вот, говорят, с Мо оквы приказ. За печатями, значит... А в приказе Лені и пишет: приказываю, грит, выбрать самых что ес смелых буденновцев. По одному с полка. Незаметно и (*пауза*) послать и (*пауза*) живьем (*пауза*) Деникин поймать. Поймать, знач, Деникина и в Москву—Крем доставить...

2-й голос. До-ля-фа!

Голоса хором. Ты не ври, не ври, добрый м лодец...

1-й голос. А те жаль? Ну, и соврал? У нас старое время в гусарах...

2-й голос. Теперь не старое время, гусар!

3-й голос (*из глубины бивака*). Эй, там!.. Су пленных привяли. Можа шинель аль сапоги сменя можна.

4-й голос. А таши их к огню, мамонтовы дятей!..

Смешок. Подходят трое: буденновец и два пленных — б родачи, донские казаки.

Один боец. Здорово, отцы станишники! Какеи вы будите?

Казаки *(с достоинством)*. Гундоровские...

Голоса. Гундорцы — самая злая сила! Наших как што — так и к нохтю. Так, отцы?

Пленные молчат.

Один боец. Зави Митрея, он с казаков и быдто гундорский... Митрей!

Из глубины бивака. Я-у!

— Иди суды!

— Я спать лег!

— Иди жа!

— Чаво?

— Иди кашу с салом исть!

— Ну?! Бягу!

Гогот. Гы-гы-гы!

Митрей *(вбегает с ложкой)*. Иде каша?

Кто-то. Ужо сварим. Опосля. Эвон земляки, палуй их.

Митрей смотрит. Пленные стоят молча.

Митрей *(вяло, мертво)*. Товарищи... батя мой тута...

(Шаг к отцу. Ложка в руке). Батя... Божжа мой, вот свиделись!...

Старый казак стоит.

1-й голос *(в сторону, сухо, грозно)*. Свиделись да и простились... Скольки наших пленных зарубал отец?

Старый казак спокоен и молчит.

Сысоев. Да, Митрей... И шол ба ты отселева.

Митрей (*вдруг горячась, Сысоеву*). Думашь, защипало? Как бы в тибе где не защипало, взводнай. Гляди — жалостливый нашелся. (*Разгорячась*). А ну, подь к матери... Я и сам, как надю, бате милому галаву снесу... (*К отцу*). Батя, вы нашеих, мы вашеих... Вот, батя. (*Сует ложку за голенище*).

Молчание, старый казак поводит шеей.

3-й голос. Дай им, папашкам, пожрать, покурить напоследок.

4-й голос (*тянет вяло*).

Ростов-город мы прославим...
На Садовой дом поставим...
Там-тата-там-татам...

1-й голос (*поющему*). Брось!

2-й голос (*к пленным*). Ишь, бороды распустили!..

3-й голос. Без бороды в рай не пустють..

Сысоев (*к первому*). Не куражься.

1-й голос. Указчиком нам нанялси, взводный,

Сысоев. Указ сам знаешь — сиди... Товарища чего с папанек энтих возьмешь? Тожа бутылки темныи... Глаза закрыты. Афицера их и ведут...

3-й голос. Понятное дело.

1-й голос (*мягко и ядовито*). А чиво они идут?

Сысоев. И тебе, поди, до время приходилось. Тоже ходил, как пешка: «ать-два!» А потом опомнился... Что к чему, разобрал!..

3-й голос. Пускай живут старые, ума набираются... А?

Все смотряг на Митрея.

Митрей *(шаг вперед)*. Товарищи, ежли меня спытать хотите—давайте.

Кладет руку на эфес шашки и выхватывает ее: шаг к отцу.

Старик *(гордо и просто)*. Так, Митрей... Сила... Сила, парень...

Голоса 1-й, 2-й, 3-й и 4-й. Брось, Митрей...

— В их оружья нет, сдались сами...

— Не надо...

— Чаво их обижать... Садись, старые! Эй, ну...

— Закуривай...

— Гоп, кума, не журись!..

4-й голос *(вяло)*.

Ростов-город мы прославим....
На Садовой дом поставим...

1-й голос. Вот далси тебе Ростов!.. Дойдем, не гуди в ухи!..

Ведущий. Просты и честны бойцы Красной армии. Были прямы все, как Митрей, а Митрей был как все.

ЭПИЗОД VIII. НА РОСТОВ

ЭКРАН.

На фоне кавалерийского марша и ж.-д. ритмов вспыхиваю буквы сводок:

«17 ноября 1919 г. Приказ по Южному фронту. Кон корпус развернуть в Конармию».

«Нами занята 24 ноября узловая станция Лиски... 9 де кабря заняты Валуйки».

«13-й армией взяты Харьков и Полтава».

«Приказ по Южфронту. Ударной группе Буденног овладеть Донбассом, разгромить окончательно главн силы противника».

«Приказ по Конармии. Стремительным натиском выдви нуться к Северному Донцу и занять мост и железно-дорож ную станцию Несветевичи».

Мотив затихает.

Ведущий. Шашки вон! Двинули! Рубанули у Кабаньей и Меловатки. Разбиты корпуса белой кон ницы генералов Шкуро, Улагая и Мамонтова. Бегут бе лые... Вперед! Подлетает 6-я кавдивизия. На рыс бей по Рубежной!.. Делай тарарам белым!.. Есть! Под летели к мосту через Донец, наш мост и Несветевичи

Мотив растет и вдруг обрывается.

Ведущий. Наш, да только взорванный.

Пауза. Тихо. К рампе выходит боец в полушубке, валенка и папахе.

Боец. Чиво затихли? Чиво вам скушно? Дай расскажу...

Ну, висить мост — сами видим. С того берега казаки бьють. Стрелять раз, у нас кто-нить брык... Смех и горе... Идем мост чинить... С нами шахтерскай народ идет... Ну, пущай... Тащим шпалы, и казаки все бьют... У нас все народ падаить... Смех и горе... Склизко, темно и холонно...

Ташшу я шпалу, глядь, лезет кто-то. Чево надо? *(Имитирует старуху)*. «Покушай, грит, сынок». Старуха откель-то! Со станции верно... Огурцов дает, бумажку сует *(Имитируя)*. «Пятерочка царская», — грит. Чирнул я спичку — верна, синенька! А тут по спичке пуля — «жжик». *(Имитируя)*. «Сыночек, возьми деньги, у меня, грит, свой-то убитай... За вами, грит, похожу». *(Басом)*. «Иди, говорю, бабка, убьють. Ишь стреляють». *(Обыкновенно)*. А огурец я с'ел, конечно, хлеба тольки не было... А пятерочку не взял. Вот, ей-богу. На деньги, што ли, я польщусь... Мост, конечно, к утру справили... Шахтеры подсобили. Сколько шпал наклали в клетки, и-их! На клетки рельсы, и фьють — броневички... Крути, Гаврила... А подвыбило народу порядком, со шпалами работавшие... Да, утром, это, говорю, фьить — и на беляков. Мы коней в поводу, по одному, и через мест. Не дыши, Деникин! Замри!..

...мелая 4-я кавдивизия идет — броневички втыкают. *Имитирует паровоз)*.

Ведущий. Станция Лисичанск. Переездная. ...чит 4-я кавдивизия.

...чат рядом бронепоезда. Кавалерийский марш и ж.-д. ритм.

Вперед на Волчеярскую, на Лоскутовку. Даешь Донбасс! Рядом по дороге бегут с кавалерией рабочие, и шапки летят вверх. Свои, наша армия пришла!

Слышно — «ура».

Бери Попасную! Удар в обход! Дело сделано — наша Попасная. К Бахмуту... Ходом-ходом! Шашки вон! 11-я кавдивизия в Бахмуте!

Пали Славяносербск, Миллерово, Луганск. *(Громко).* Товарищ Ворошилов, твой Луганск взят! Давай дале. Держись, Таганрог, держись, Новочеркасск, держись, Ростов! Двигай на Дебальцево!

Ритм идущей кавалерии и бронепоездов.

ЭПИЗОД IX. «ВИДИШЬ КЛАДБИЩЕ?»

Степная даль. Видкеется кладбище. Железная дорога на Дебальцево, в Донбассе. Сырой декабрьский день. На первом плане стоит бронепоезд Конной армии (площадка с двумя трехдюймовыми орудиями в башнях и восемь пулеметов на один борт). Дверца в борту открыта, из нее головы матросов. На полотне кучка матросов в бушлатах, кожаных тужурках и бескозырках. Среди них командир. Он отличается только тем, что у него фуражка с козырьком.

Командир. Приехали. Ставь, Дунька, самовар. Говорил — «все в порядке?» *(Дразнит).* «Так точно, в порядке». Эх вы, пальцем деланные!

1-й матрос. Ды-к, кто же думал?..

Командир. А надо думать — раз тебе поручено.

2-й матрос *(кусает кулак и отчаянно).* Ай-ой, вот попали! На мертвый якорь!

3-й матрос *(горько).* Краса и гордость...

4-й матрос (*насмешливо*). Ну, вот, давайте говорить — языком работать.

2-й матрос. Мореплаватели!

Пауза.

Командир. Эй, на паровозе, може до Дебальцева дотянем?

1-й матрос. Никак... Пар сел совсем.

Командир (*горько*). Военные моряки Рабоче-Крестьянского Красного флота, посланные в Конную армию, а! Военные моряки забыли погрузить уголь, а? Пар сел, а?! Подымай аварийный сигнал, а? А кавалерия нас ждет, а?!

Понуры все, один свистит.

1-й матрос. Командир, брось ругаться. Не потонем — тут не глубоко. Пугаться вообще никогда не надо. Ешь солому, а форс не теряй, выходи на улицу — в зубах ковыряй, люди подумают — мясо кушшал.

Командир. Эй, на паровозе, може, до Дебальцевой дотянем?..

2-й матрос. Не, никак...

4-й матрос. Вон кавалерия идет.

Командир (*смотрит в бинокль*). 11-я кавдивизия. В шинелях и громоотводах, ну, этих новых шапках (*делает жест над головой*). 4-я и 6-я — те в кубанках, бекешах и бурках...

2-й матрос (*кусает кулак*). Ай-ой, вот попали!

Подходят три кавалериста в длинных шинелях и шлемах-буденновках образца 1919 г.

Кавалеристы. Здорово, флотские!

Матросы. Здравствуйте.

1-й кавалерист. Что стали?

Командир (*немного подумав*). Пустяк — сейчас пойдем. Неисправность вышла на левом дышле, на колесной, значит, передаче.

2-й кавалерист. Сейчас, значит, пойдете?

4-й матрос. Через пять минут. Чик и готово.

3-й кавалерист. Ну, давайте, братишки. Дивизия пошла уже. На Ростов крутите.

Матросы. Валите, валите. На Ростов.

Кавалеристы уходят. Моряки стоят, молча переглядываясь.

Командир (*шопотом, исступленно*). Братва!..

Пауза, слышна песня проходящей кавалерии. 4-й матрос делает шаг вперед, яростно кидает фуражку наземь, снимает быстро бушлат, фланелевку, кидает их и остается в полосатой тельняшке. Засучивает рукава. Видна татуировка. Все на него смотрят. Он странно преображается, горя бешеным задором и силой. Вынимает из бушлата наган, немного держит его, вертит барабан и сует наган за пояс.

4-й матрос. Ну, раздевайсь все, братва!

Из дверцы — головы.

2-й матрос. Чего?

Командир. Ты что? Малахольный?

3-й матрос. Сдурел?

4-й матрос. Раздевайсь живо! Дело есть. Грузить будем. Почище, чем у угольной стенки в Кронштадте... Скорее, братишки!

2-й матрос. С ума сошел?

4-й матрос (*сильно*). А ты молиться будешь?! (*Гнусавит*). «Уголька пода-а-ждь, го-осподи...» (*Нервно, горячо*). Братва — видите кладбище? Ну? Ясно?

Командир. Ну, что?

4-й матрос. Ну, ну — деревянные ведь.

2-й матрос. Кто деревянные—мы-то? Ты смотри! По соптаке возьмешь!

4-й матрос. Кресты деревянные!

Тихий удивленный стон всех. Одно восхищенное восклицание: «Елки-палки!» Командир бьет в ладонь 4-го, жмет ему руку и кричит: «Огребай правачка от старого морячка!»

4-й матрос. Ну, ясно? Кресты выворотим — и в топку. Пар есть.

Все точно ошпаренные. Летят кожаные тужурки и бушлаты, обнажая здоровые торсы в полосатых тельняшках.

Командир. К кладбищу! В цепь! Вылазь все!.. Пулеметчики, комендоры!

Трое пулей летят на площадки. Образуется цепь в сторону от пути. По цепи с криками: «На-ва-лись!» «хо-дом!» передаются посеревшие могильные осьмиконечные кресты.

Командир (*весело*). На паровозе! Счас с якоря снимаемся.

С паровоза (*согласно*). Ага.

Командир (*смотря на часы*). В точку будем. Курс зюйд, на Ростов... Полный!

Ведущий. Оперативное задание было выполнено матросами точно в срок.

ЭПИЗОД X. МАРКОВЦЫ

Ведущий. К Ростову, преследуемые Конной армией, отступали белые. За Таганрогом на ночевку стали полки марковской офицерской дивизии..

Изба. Стол. Лавки. Справа, в полутьме, кровать. Окно. В дверях старушка. В избу входят с мороза четыре марковца. Двое глухо напевают:

Марш вперед, труба зовет,
Марковские роты!
Звук лихой зовет нас в бой!
К чорту все заботы!..

Снимают амуницию, хлопают руками, как извозчики — вперед — назад, чтобы согреться, садятся, кашляют, курят и т. п. Винтовки ставят у входа рядом вдоль стенки; на винтовках патронташи и т. п. У стенки стоит старушка.

1-й офицер *(капитан, седоватый)*. Чогт, долго ли еще будет этот дгап? Бежим, как гысаки на Семеновском плацу... Пготивно...

2-й офицер. Капитан, красные так же бежали за Орел — военное счастье, знаете ли, — *(напевает)* «изменчиво и переменчиво»...

3-й офицер. Ту ва бьен, как говорят французы. Все идет хорошо.

Офицер Икс *(3-му)*. А, дежурный оптимист!.. Бон суар. Так сколько верст осталось до Москвы? Сообщите мне, отставшему корниловцу, которого любезно приютили *(насмешливый жест)*, господа марковцы...

3-й офицер. Под Ростовом красные выдохнутся. У-ве-ря-ю.

1-й офицер. «Сумлеваюсь штоп», как говогил генегал Сухозанет — не очень ггамотен был.

3-й офицер. Гаспада, новый анекдот... К Ленину в Кремле...

4-й офицер. Бросьте. Надоело. И кроме того, вы знаете, за что Каин убил Авеля? Нет? За то, что тот ему рассказывал старые и *(в лицо 3-му)* глупые анекдоты, вот-с, сэр *(3-й отворачивается)*.

2-й офицер. А я маленькую рекогносцировку сделаю. Ужасно голоден. *(К старухе)*. Бабуля, милая, нет ли сала?

Старуха. Нету, сынок.

2-й офицер. Ну, а яйца, молоко?

Старуха. Забрали все. Поперед вас войско шло — все забрали.

2-й офицер *(тоскливо)*. Господи! Матушка, дай поесть чего-нибудь. Сметаны... Картошки хоть бы...

Старуха. Картошечка есть, родный, есть картошечка...

2-й офицер *(радостно)*. Ну, вот и хорошо... Спасибо... *(Жест к кровати)*. Бабушка, а это кто лежит тут?

Старуха. Внучка, внучка больная, сыночки. Тифом тронуло.

2-й офицер. Ну, бабуся, займись картошечкой... И лучку бы, а?

Старуха. Ладно, милый, ладно.

2-й офицер подходит к кровати, на которой лежит больная девушка лет шестнадцати, вся в жару.

2-й офицер *(глядит долго, потом шепчет)*. Мурильо... Грез... Буше... *(С восторгом)*. Настоящая красота! Нет, господа, вы посмотрите! *(Офицеры подходят к кровати)*.

1-й офицер. Н-да... Не больше шестнадцати.

3-й офицер *(дурачась)*. Я мог бы, знаете, оказать ей внимание.

Входит бабка, неся вареную картошку в чугунке, соль, лук и бутылочку с постным маслом.

Старуха. Кушайте, сыночки, кушайте, военные господа. *(Второму)*. Лучку-то, вот, возьми.

2-й офицер. Спасибо, родненькая. Похлопочи соломки нам, бабушка, поспать.

Старуха. Иду, сыночек, иду... *(Уходит)*.

Офицеры у стола. Кое-кто жует уже. 2-й стоит у кровати, затем присоединяется к прочим. Ест стоя. Потом вдруг запевает, на мотив солдатской песни, романс, давая шаг на месте:

Ды-шала ночь восторгом сладо-страстья,
Не-ясных дум и трепета полна.
Я вас жда-ла с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна...

3-й и 4-й офицеры *(тоже дают шаг)*. Ать-два!

Наш уголок я убрала цветами.
К вам одному неслись мечты мои,
Ми-нуты мне-е казалися часами...
Я вас ждала-а, а вы — вы все не шли...

3-й и 4-й офицеры. Ать-два!

2-й офицер. Наша жизнь коротка и сурова.

1-й офицер. Это вступление к чему? И давно ли вы это постигли, вчегашний пгапогщик?

2-й офицер *(как бы не слушая)*. Обстановка: сзади красные, спереди неизвестное... Мы голодны.

3-й офицер. Ешьте, боже мой, картошку.

2-й офицер *(значительно)*. Я говорю о женщинах.

4-й офицер. А-а-а! Ну-с, слушаю.

2-й офицер. Будем говорить прямо — девочка чудесна. Температура у нее — не менее сорока. Огонь. Понимаете?.. Бла-жен-ство. И потом не мы — так другие...

4-й офицер. Я игрок. Раз драгуна под шашку над окопом поставил. Под суд не хотел отдавать... Да. Держал пари: убьет или нет. Игра... В теплушку однажды влез к солдатне. В 18-м году. Игра!.. И здесь игра — за любовь *(жест к кровати)* — сыпняк... Или проскочит? Оч-ча-ро-вательно! Играю!

1-й офицер *(глубоким больным голосом)*. Слушайте, бгосьте. Вы же офицегы гусской агмии.

2-й офицер *(насмешливо)*. Капитан, стареете.

3-й офицер *(трусливо и жадно)*. А сыпняк — наверняка, как вы думаете?

4-й офицер *(подзадоривая)*. А если нет?

Поет: «Ночь дана для любовных утех».

2-й и 4-й офицеры идут к кровати. 1-й сидит и ест картошку. 3-й стоит, потом тоже идет к кровати.

3-й офицер *(шуткой прикрывая дрожь в голосе)*. Капитан, вы можете есть картошку в темноте?

Трое наклоняются над кроватью.

2-й офицер. Пылает... Угодно жребий?.. Ius primae noctis—право первой ночи, так сказать... «Марш вперед, труба зовет, марковские роты!..»

3-й офицер. Я гашу свет.

Подходит к керосиновой лампе и берет ее. В дверях шаги.

2-й офицер. Эй, бабка, не ходи сюда, проваливай.

Чуть пауза. В избу входит с маузером красный командир и становится, закрывая собой винтовки. Он покрикивает весело:

Командир. Ну, живо, вываливайтесь отсюда! Сысоев, принимай!

Офицеры по одному, подняв руки, выходят. В сенях их принимают буденновцы.

Сысоев *(страшным голосом)*. А-а, вота где ты!

4-й офицер сбивает Сысоева и прорывается.

Голоса. Убёг!.. Ну, ланно!...

Сысоев скрывает боль, гнев и стыд.

Командир *(подходя к капитану)*. У вас скверное сторожевое охранение? Разве так служат, эх! *(Хлопает капитана по плечу)*.

ЭКРАН

Световая сводка. На кавалерийском ритме:

«В таганрогском направлении конными частями тов. Буденного захвачена Марковская дивизия противника в составе трех полков»...

Первую сводку сменяет вторая:

«Наша конница в переходе от Ростова».

Вторую сводку сменяет 3-я:

«Конными частями тов. Буденного 8 января с боем взят город Ростов».

ЭПИЗОД XI. В ВАГОНЕ

Ведущий. Взят Ростов. Белые за Доном, у Батайска. Стали, упираются... Не берет наша. Конную в дело! В обход, бей по тылам!..

Пассажирский вагон Владикавказской железной дороги. Март 1920 г. Разные пассажиры — смесь мешочников, красноармейцев, не успевших удрать эмигрантов...

На верхней полке торчат большие ноги. Сапоги огромные, с гвоздями и подковами. Одна нога почесывает другую.

Дама *(снизу)*. Послушайте, солдатик, очень неудобно так ноги выставлять.

Ноги шевелятся. Слышен голос.

Боец. Я не солдатик, а господам и богу враг. И только.

Дама. Это как?

Боец. Я нашева полка боец. Буденнова.

Двое. А-а-а.

Старик *(снизу)*. Эй, почкенный, чайкю попей с нами. Хоть чай и не водка — да чем богаты.

Боец. Спасиба.

Боец слезает, без шапки здоровый, красивый. Входит молодка с корзинкой. Садится. Боец глядит на нее, конфузится и прыгает наверх. В момент чистит кубанкой сапоги, надевает ее, обтерев рукой, и слезает вновь, натягивая белые нитяные перчатки. Боец откашливается и церемонно садится, поглядывая на молодку, к столику — пить чай со стариком.

Боец. Чай-сахар! *(Наливает кружку и отхлебывает)*.

Старик оглядывает бойца.

Форму оглядываете? Деникин в нас в аргельщиках. Трофеи он поставляит, мы и одеваимси. Товар! *(Хлопает по своим хорошим защитным английским галифе. К молодке)*. За канпанию — не угодно ли?

Молодка *(шепчет, конфузясь)*. Ни...

Боец *(к молодке)*. Вы как? Путешествуете и. как?

Молодка конфузится.

И есть, например, дома законный супруг?

Молодка совсем конфузится.

Старик *(выручая дивчину, вмешивается)*. Изволили вы, товарищ, заметить, что у Буденного — как их величать, с сожалением не знаю — служите?

Боец. Так точна. А теперь в отпуск. Семь де имею...

Старик. Не откажите поделиться впечатлением о Буденном — как их величать — с сожалением не знаю. Наслышаны, и знать про них любопытно.

Боец (*пьет чай — в перчатке — оттопыря мизинец, потом одергивает гимнастерку*). Впечатление у мине от Буденнова (*пауза*) ничево (*пауза*), хорошее... *Глядит на молодку*). Да... Вот было... (*Постепенно попадает в русло воспоминаний и бросает «форс», становясь безыскусственным, но не забывая про молодку*). Ростов — взяли. Белые у Батайска. Стали — упираются. Пробуим в лоб взять. У нас потеря. Какое дело, а? Ну, Конную в обход! Стоять мы постояли—тольки побираться успели... Тут «та-та-та-та»... Тревога. Седлать! Ну, седлаим. Ожидаются отважные бои, иттить на Дон в степя. И только. Лишнево не класть, белье одеть чистое — на случай пуля тронет... Идем. За Дон. Пошли несколько переходов. А там белы-ых!.. Ну, доре...

Пауза. К рассказчику подсаживаются ближе.

Боец. Да... А Деникин што? Зовет своих генералов от кавалерии, Павлова и протчих. «Как так—почему красные за Дон идуть? Чтоб я больше имени Буденно-Ворошилова не слыхал. И только. Кто они такие, Буденный — Ворошилов?» — это Деникин спрашивает. «Нижние чины, вашсок-дит-ство», — ответ ему генералы дают.

«Как так, не может быть!» «Виноваты — не доглядели... тольки так и есть». Деникин усмехнулся и го-

ворит: «Поймать! И только». «Слушаемся!» Откозыряли генералы и покатились. Ну, покатились Буденно-Ворошилова ловить... Ну, добре... А мы и сами за Дон идем—на, мол, лови! У Шаблиевки сошлись. Лови, ну! А они не ловють. Осерчали мы — побили их... *(Лукаво)*. Грех...

У Торговой ишо сошлись... *(Серьезно)*. Ох, бой был! С холоду лютые—смерти не видять—идуть белые. Останову нет. Прямо беда... Однака и тут их побили. И только. В степь их угнали. А мороз! Спасу нет. Утром мы в разведку. *(Начинает усиленно жестикулировать)*. Глянь — чернеет. Белые! *(Пауза)*. «Сдавайтесь!» Молчат. «Сдавайсь!» Молчат. К ним! *(Пауза)*. Стрельбы нету. Што за хреновина!.. *(К молодке)*. Вин-новат!.. Подскакали. «Сдавайсь!» А они *(пауза)* все мертвенькие.

Падает кружка. Женский вскрик.

Замерзли. И только. *(К даме)*. Вот, мадамочка, дела-то какие бывают!

Двигаем дальше. Усе Деникин Буденно-Ворошилова ловит, а мы ево бьем — чево не поймаишь? Лови! Упарились... Под Белай Глинай ушибли белых ишо раз. *(Серьезно)*. Тут в нас комбрига Мироненко и комполка Усенко убило. Вечная память.

Пауза. Старик: «Ох-хо-хо!» Боец закуривает.

Б о е ц *(к молодке)*. Вас табашный арамат не тревожить?

Молодка конфузится.

Табак, знаити, на грудь смягчение дает... Всю войну курю... До службы не курил... Да... *(Серьезно)*. Идем, значит, ета, дальше—к Егорлыцкой. Наперли сюда белые все корпуса: офицерский раз, донских — три, да кубанский. *(Растопыривает левую руку, обводит взглядом всех. Белеют пять больших пальцев)*.

1-й голос. Н-да!

2-й голос. Ну?

Боец. Идем в атаку раз. Нам по морде. Идем в атаку два. Нам по морде. Идем три. Нам опять по морде. Ах ты, мать...

Дама: «ах!» Боец вдруг давится.

...пресвятая богородица... Батареи наши—отступать. А? Тут начдив 4-й Городовиков...

Молодка *(не выдержав, певуче)*. Шо це такэ-- начдыв четвэртый Городовиков?

Боец *(оправляя гимнастерку)*. Ета, пожалуйста, как бы вам сказать по форме... Ну, вроде как бы над тремя комбригами... *(Радостно)*. Ну—начальник дивизии! Командир над шестью полками... Да. Мчит, эта, начдив 4-й Городовиков. Конь под им весь огнем горит.. Мчит к батареям. *(Ласково)*. «Здравствуйте, грит, батарейцы. Други! Вы, грит, што? Вы, грит, не в ту сторону наступаити»,—ну, и добавил... *(Рукой жест)*. Ну, командуит... Начдив 4-й Городовиков, это, батарейцам-то *(грубо)*: «Огонь со всех орудий, ну!» И только.

Восторг аудитории.

Бьем громом с орудий и белым говорим *(поднимает голос)*: «Ну, теперь тих-хо, тиш-ше. Куды суесси, дур-ра?»

Дама и старичок несколько отодвигаются. Прочие: «Ага-аа! Во!»

Взяли Егорлыцкую. Побили пять корпусов. *(Жест руки)*. Гоним, жару даем: а лови Буденнова, а лови Ворошилова!..

Голоса, смех — «во», «ага!»

В корень разгрохали — и только. Ну, Деникин в море подался А тут ве?омство не наше. Мы в Майкопе стали. Отдыхать. Ну, тут благодарность. «Ту-ру-ру», «та-ра-ра»—музыка... *(Расправляет плечи и глядит на молодку)*. Ково и к награде... *(Ближе к молодке)*. А што вы об чем все мичтаили?..

Старичок *(мешает)*. А кто ж они точно, Буденный—Ворошилов?

Боец *(с трудом отрываясь от молодки)*. Го-о, я с Буденным сосед—с окна в окно полтыщи верст... Не, правда—он с Платовской станицы, а я подале. А Ворошилов — луганский, фабричный.

Пассажир *(удивленно)*. Как же они командовать могут?

Боец *(убежденно и чуть сердито)*. Могут—раз надо. И только. Знаешь, друг мой милай, один солдат может ловчее четырех генералов справитца... Не знаешь? Слушай—смотри *(Глядит кругом)*.

Все смотрят.

Боец (*начинает*). Четыре генерала—какие они, звесно, старые, песок сыпитца, спать лягають... Ну, штанцы, извиняюсь, сняли, то, се... Кхе-кхе. Свечку задуть нады. Один дуит (*дует, выпятив сильно нижнюю челюсть, воздух идет куда-то в нос*). Не может потушить. Другой шкандыбает. Дуить тоже (*дует, выпятив верхнюю губу, воздух идет вниз*). Ах ты, господи—не потушить! Лезит тада третий (*дует, скривив рот влево*). Ничево не выходить. Ну, тада идет четвертый, шамкает: «Дайте-ка я, ваши превосходительства». Дуит (*дует, скривив рот вправо*). Ничево не могут! Тады солдат тут случился, вродя меня... хм-хм... Ен, ета, подходит и... (*снимает перчатку, слюнит указательный и большой пальцы и гасит воображаемую свечу*) Ррас!.. И только.

ЭПИЗОД XII. НА ОТДЫХЕ

Ведущий. Конная под Майкопом. Отдыхает.

Группа буденновцев. Заняты безделием, отдыхают.

Рассказчик. Шевелись, копайся. Хто сказку слушать?

Голос. Про чево сказка-то?

Рассказчик. Про нашева полка бойца, как во кадет обдурил и што с етова вышла [1].

Голос. А ну, што?

Подваливают к рассказчику. Слушают.

---

[1] Переделка народной сказки. Автор.

Рассказчик. Шел нашева полка боец. Глядит — кадет. Ну, што — мала ль их по Дону-Кубани пораспущена теперь, как Деникина разбили. Встрелись, значить. То, се, увязалси кадет бывшай за нашева полка бойцом. Это они идуть — глянь, на дороге поросенок жаренай и с кашей. Кадет, глаза завидущие, и говорить: «Как же мы порося с'едим?» — «По режем, товаришшок,— говорит нашева полка боец,— половину тебе, половину мне, я поем и ребят угощу». — «Нет,— говорит кадет,— так не поделишь — комунить да больше выйдет... Вот давай спать лягим, кто лучше сон ввидит, тому и порося с'есть». «Давай» Легли. Нашева полка боец глаза закрыл, а сам чует кады кадет заснет. Тот лежит, глазы щурить. Обдурить нашева полка бойца хочить: самолучший сон выдумываит — где, мол, ихнева — краснова полка бойцу — так выдумать, серые они ишо...

Нашева полка боец смекает. Видит, кадет на хитрость бьет. Стой! Нашева полка боец тада порос рраз—и в торбу!

А кадет все думаить. Самолучший сон выдумываить. Надумал. Торк-торк нашева полка бойца. «А ну, какой тибе сон снился?» А нашева полка боец и говорит «Тьфу, разбудил, и сон я весь забыл... А тебе какой?»— «Ну,— говорит кадет,— мне хороший сон снился. Смотрю я—возле нас конь ходит, чисто генеральскай, нова узда, удила с серебра, страмена залатые, подушк на седле пуховая... Сел я на этава коня да и поеха

Еду—еду—смотрю: лестница на небо упираитцы. Слизаю. Полез по лестнице. Лезу. Лезу в гору — смотрю: на небо влез. Влез на небо, там палаты. Я туды. А там сам бог! Сидит и ужинает. Иди, говорит, христолюбивый русский воин храбрый со мной ужнать. Так я с самим богом ужнал!.. Во как».

Тада нашева полка боец пичальна так и говорит: «Вроди и мине такой сон снился, тольки похужи... Смотрю ета я — конь мой идет, ишо с Царицына у меня коняка. Какой—известна: трусит, и ланно. Да— узда там, страмена, сидло — увсе обыкновенная, как у Буденнова бойца, — игде нам богатое взять? Сел я на коня, поехал. Еду, еду... Смотрю—лестница в небо упираетси. Слизаю. Полез в разведку. Лезу, лезу в гору — смотрю: на небо влез. Влез на неба—там палаты. Коло палат — конь енеральскай ходить, бьет копытом, огонь летить. Подушка на седле пухова, страмена золотыи».

— «Так то мой конь был!» — гаварит кадет.

— «Во-во. Твой... Лезу я дале в палаты. Походил, походил — дверь открываю... Винтовку на изготовку, дело знакомое. «А ну, кто там, вылазь!» Сматрю — бог! А ты рядом с ним ужнаешь. Ну — думаю, конпания! Занесли черти! Вижу только, што ты и говоришь: «Иди прочь, краснава полка боец, не твоя тут места, иди забирай порося, што мне, христолюбивому русскому воину, порося — я с самим богом ужнаю». А на столе: ухха, пироги, лапша, студень, говядина, ки-

сень, ан, чиво только нет! Ну, пошел я прочь, за[illegible] порося, как ты велел. Только его и спомнили»

— «Так ты с'ел порося?» — эта кадет волнуетца.

— «Ну а што ж?»

Закрутил тут хитрай кадет головой, да и пошел прочь. Не абдурить нашева полка бойца!.. Сказке конец. Эй — кто закурить даст?!

1-й голос. Гэ! А порося?

Рассказчик. Звесно, сам поел да взвод свой угастил — не как ты!

Голос *(издалека)*. Эй, на занятие собирайсь, товарищи!

ЭПИЗОД XIII. «БЕЙ ПАНОВ»

Ведущий Не долог был отдых Конной... Заиграли трубачи снова и снова: «Се-е-едлай!» Войной идет на нас белая Польша, Украина вновь в огне... Дивизии Буденного — 18 000 сабель — походом, в седле, идут на польский фронт. С Северного Кавказа к Умани. Маршрут подстать только красной коннице... Более 1 400 верст! И рванули на панов!

Отдельная палата армейского госпиталя. Койка, шкафчик, слабый свет. На койке—раненый (бывший комитетчик). Сиделка.

Ведущий. Ранен командир буденновского полка...

Командир *(бредит. У него свисает рука и тихо*

Я — на свалку...

Сиделка поправляет подушку и выходит.

Мне надо сапоги... Кто подойдет — меня на свалку... я его ногой — в живот... А на сапоге подкова.. Все кони подкованы. Товарищи, я надеюсь... Понятно?.. Подточите шашки... «Для встречи от середины .. ш-шай на кра-ул!..»

Всюду люди, приказы... Кони жуют, скорей... Я спать хочу... *(Невнятно).* Я сплю, а нога не спит... *(Тихо).* Теперь палец не спит...*(Громко).* «По кольцу два вперед!» Видимость прекрасная. Поляки идут плавно — как водоросли... в воде колышутся... Тоня, Тонечка, сестреночка!.. Мне очень жарко... *(Трогает голову).* А-а, надвигаются? Вон-вон... Поляки! Они припаянные! Друг к другу! Хитрецы!.. Как строй держат!.. Винтовки низко, ножами вниз, животы вспарывать... Коням и нам... Глаза скучные...

Под Екатеринославом станция «Пост Амур»... Смешно. Poste d'amour. Шашки вон!

Увозят золото... на галеоне Жана Флорена... Эй, смотри... Прорвать... фронт. А поляки припаянные. Ничево — мы служим без срока. Совестью не кривить, Красная армия... В первом эскадроне... 70 человек... убито... *(Плача).* Я хочу сам себя лечить... Я как собака — сам, я травкой, травкой... Я сейчас... Я сейчас в строй... Только пожую травку... И вылечусь... *(Вскакивает).* Арш-арш!.. *(Скатывается с койки, падает и*

криво натягивает на себя шинель). Я сейчас... Наши идут!..

Входит сиделка. Увидав упавшего, кидается к дверям.

Сиделка. Комполку худо. Скорей!

Входит раненный в руку боец.

Боец *(делится).* Прорвали поляков, о!

Командир *(у него реакция; счастливо — слабо).* Прорвали фронт... Хорошо...

Ведущий. И когда польский фронт, фронт кадровых европейских обученных и снабженных богато войск, был как скорлупа продавлен и растрепан Конной армией — скверно стало панам. Маршал Иосиф Пилсудский, глава государства польского, признался: «Паника вспыхивала в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, а иногда даже в высших штабах, и переходила все глубже и глубже в тыл. Стала давать трещины даже работа государственных органов: в ней можно было заметить какой-то неуверенный, колеблющийся пульс... Наступали моменты непреодолимой тревоги с первыми потрясениями. Новое оружие борьбы — конница Буденного становилась какой-то легендарной непобедимой силой. И чем дальше от фронта, влияние этого гипноза было все сильнее и непреодолимее...»

ЭПИЗОД XIV. В ШТАБРИГЕ

Ведущий. Штаб бригады одной из дивизий Конной. Лето 1920 г. Польский фронт...

Два стола. Лавка. Комиссар — бывший рабочий. Флаг у стенки — «Бей панов». На гвозде висит комиссарская казачья шашка.

Комиссар *(в дверь)*. Товарищ Семененко, пленные поели?

Голос из сеней. Пошамалы.

Комиссар. Пусть ко мне идут.

Идет к окну, наливает из жестяного чайника в кружку чай, пьет. Входят пять польских солдат, крепкие, с выправкой. Вытягиваются, щелкая каблуками. Комиссар делает жест — садись — глотая чай и раскалывая зубами сахар.

Комиссар. Садись, товарищи.

Солдаты стоят, руки по швам.

Комиссар. Садись, товарищи. Ну? Давай говорить... Поймем друг друга, а? Вы по-русски што, я по-польску. Так?

Солдаты деликатно присаживаютсся на лавку.

Комиссар. Откуда родом? Скуда будешь?

2-й солдат. З Варшавы.

Комиссар. А ты, друг?

2-й солдат. З Люблѝна.

Комиссар *(к прочим)*. А вы?

3-й солдат. З Кракóва.

4-й солдат. Теж с Кракóва.

5-й солдат. З Бялы.

Входит Семененко — на босу ногу калоши. Он в кубанке, гимнастерке, с шашкой.

клычуть вас там... Та ще одын пленный ось тут *(тычет в сени)*.

Комиссар. Иду. Пленный пусть сюда же идет.

Выходит из хаты с Семененко. Пленные переглядываются. Смотрят на шашку. Пауза. Входит 6-й пленный. Солдаты, увидев его, вскакивают «смирно».

3-й солдат *(удивленно)*. Пан поручник!

6-й солдат. Тш-ш. Тихо.

Осматривается. Солдаты садятся. Входит комиссар с пакетом и кипой газет.

Комиссар *(к 6-му)*. Друг, а ты какой, понимаешь, от-ку-да?

6-й солдат. З Лодзи.

Комиссар *(живо)*. Рабочий?.. Работник?

6-й солдат *(подхватывает)*. Так, да... Так, так...

На улице вдруг пулеметная стрельба, крики, взрыв. Все вскакивают. Комиссар к окну. Польский офицер—секунду в нерешительности, потом восклицает: «То наши!..» Делает повелительный знак солдатам и кидается за шашкой, висящей на стене. Через несколько секунд на него сзади кидается один из польских солдат. Офицер и этот солдат катятся на пол. Комиссар схватывает шашку и обнажает ее. Прочие все время недвижны, ошеломлены «преступлением» солдата, испуганы. Офицер лежит, солдат давит его сзади.

Семененко *(вбегает)*. Бомбу, гадюка, бросыл. Двоих вбыло биля хаты. Наши с пулеметив покрыли... Ой, высоко, гадюка, литае!

[illegible]
и наливает из чайника чай в кружку, глотает. Солдат поднимается. Офицер тоже.

Комиссар *(к ним тихо)*. Ну, што?

Солдат. Пан комиссар... *(Жест в сторону офицера)*. То—офицер, по поручник. Он хцел порубить пана комиссара... Он мое скрал — он мувил — он работник. Ни, ни—то я работник, то мы *(тычет рукой на одного и другого соседа)*. Я много страдал через них... Я сидел в тюрьме... Мне били в полиции.

Комиссар *(к офицеру)*. Разумиете, понятно, а?.. Семененко! Сопроводи, друг, этого *(кивок на офицера)* в штадив. *(Вспомнив что-то)*. Только без «менок». Ни сапог, ничего не снимать. Ясно?

Семененко *(глядя на свои калоши, потом на крепкие сапоги офицера)*. Эгэ ж, мине шо — ни буль в мини чоботив, та хай и не будэ... *(К офицеру)*. Пийшли, пан!..

Уходит, пропуская офицера вперед и придерживая левой рукой шашку.

Комиссар. Садись, товарищи! Не то вы как перед генералом.

Пленные садятся.

ЭПИЗОД XV. СМЕРТЬ КОММУНАРА

Ведущий. Тяжелые бои ведет Конармия. Ее окружили поляки — армия Галлера...

Вечерний свет. Поле. Остатки проволочных ,
может быть, 1015 г. Лежит раненный буденновец, политбоец. Поодаль кусты. Опрокинутый пулемет. Раненый отрывисто полустонет, полупроизносит «ха». Шорох в кустах.

Раненый *(левой рукой вскидывает револьвер. Шепчет).* Поляки?! *(Громко).* Кто идет? Стреляю!

Тихо. Потом шорох возобновляется.

Раненый *(нервно).* Кто идет?

Тихо. Из кустов ползет кто-то.

Раненый. Стой!

Голос казака. Товарищ политрук—ета я. Вы тольки голос не оказывайте—услышут. *(Подползает).*

Раненый. Пи-ить.

Голос казака. Вот баклажка, пейти... *(Поит).* Я как приметил ишо в атаки, что вы, знач, немножко споткнувшись от раны—так потом Сысоеву сказал и суды пополз. Ихня кавалерия в ложбину ушла, сидит там. Близка тут... Наши ждут наскоку... Вы попейте ишо... Накрутили нам холку паны эт раз. Не знаю — прорвемся ли...

Раненый снова хрипло и отрывисто дышит.

Казак. Ну, теперь давайти, товарищ политрук, подаватьси к своим. Может проползем... Вас иде тронуло?

Раненый. В живот... и в правую руку...

Казак понял, что это значит.

Казак. А я вас на горбу — легонько понясу...

Раненый. Наши... значит ждут... Поляки близко... *(Вытаскивает левой рукой из грудного кармана книжку, дает казаку).* Пиши...

Казак покорно берет книжку, карандаш и в темноте пристраивается.

Пиши... *(Медленно, подавляя боль, диктует).* «Посылаю тут... партбилет... списки... ячейки... квитанции...» Написал?..

Казак. Ага, квитанции... Темно писать. Я чирну. *(Чиркает осторожно спичку, закрывая огонь телом, и проверяет запись).*

Раненый *(медленно диктует).* «Приказываю бойцу... доставить эго... и меня бросить... я уже.. пропал...» Написал? «Приказываю... взять пулемет... тут брошен... и ленты... Вам он... нужен. Я — нет». Написал? «Придется... лишать... себя жизни».

Казак не то всхлипывает, не то тянет сопли носом.

Раненый *(медленно).* «В нагане... один патрон... Значит... прощайте». Написал? «С коммунистическим... приветом...»

Казак *(дрогнувшим голосом).* Товарищ, родной, — давай я тибя унесу.

Раненый *(мучительно).* Пулемет...

Казак *(моляще, рыдая).* Давай.

Скользнул луч прожектора

Раненый *(слабея).* Пулемет... Скорей... Поляки ударят... Иди...

Казак плачет и шарит у себя по карманам. Достает кисет и ломоть хлеба.

Казак *(растерянно)*. На-ка... вот... махорки... Покури. Хошь? Или поешь. А? Хлеб тут... Товарищ политрук, а? милай... *(Плачет)*. Хошь? *(Пауза)*... Прощай... братец мой... *(Всхлипывает)*.

Луч прожектора. Казак махнул рукой и, осторожно взяв пулемет, коробку с лентой, ползком пропадает в темноте. Раненый отрывисто хрипит. Потом все тихо... Луч прожектора.

ЭПИЗОД XVI. ДОПРОС ПЛЕННОГО БУДЕННОВЦА

Комната, некоторый комфорт. Польские офицеры. Полковник, четыре офицера как один сияющие формой: лак и золото фуражек, шитье на воротниках, пуговицы, ордена, лак сапог и прочее.

Ведущий. Рванулась Конная. Из кольца ушла и снова гремит. Но попал в плен братан один.

Полковник. Прикажите ввести пленного.

Адъютант отдает честь и выходит. Быстро возвращается. Входит в буденновском шлеме и гимнастерке без пояса — пленный. За ним часовой — комендантской роты отчетливый солдат в начищенных ботинках и ладных обмотках.

Пленный одергивает гимнастерку. Стоит чуть расставив ноги. Крепкий, высокий, широкоплечий. Разглядывает офицеров.

Один офицер шепчет ему: «шапку долой». Потом суется к буденновке. Боец защитно поднимает руку, отводит руку офицера и сам снимает шапку. И стоит, как прежде.

П о л к о в н и к. Здорово!

Б о е ц *(вежливо)*. Здрасьте.

П о л к о в н и к. Какого полка, дивизии?

Б о е ц *(гордо и серьезно)*. Нашева коннова полка боец.

П о л к о в н и к. Номер?

Б о е ц. Ниграмотнай я.

П о л к о в н и к *(подумав)*. Много ли вас, красных?

Б о е ц. Многа.

П о л к о в н и к. Точно. Сколько?

Б о е ц *(строго)*. В Рассеи мильонов с полтораста.

П о л к о в н и к. Говори, не дури, где красные части расположены?

Б о е ц *(убежденно)*. Расположены по всему свету... *(Бережно поднимает буденновку и пальцем указывает)*. Во где: в Европи—раз *(один конец звезды)*, в Азеи—два *(другой)*, в Африке — три *(третий)*, в Америке — четыре *(четвертый)* и пять... *(палец повисает)*. Ишо как — забыл. Комиссар знаит.

Офицеры изумлены и смотрят на полковника.

П о л к о в н и к. Ты что? Смеешься?

Б о е ц *(строго)*. Как на присяге—все всерьез. Какой тут смех! Не с девками коровожусь!

П о л к о в н и к *(тая гнев)*. Поговори еще!

Б о е ц *(строго, снисходительно)*. Ланно, поговорю. Вот об'яснил, где расположоны мы. И верна. *(Серьезно)*. Ишли, скажем, с боями—ишо с Царицына—народ по-

падаит в эскадронах—другие валят... Везде. Доброволь-ные бойцы. Вот и выходит — што везде расположоны. Валом валят к нам.

Пауза. Офицеры застыли.

Полковник *(ревет)*. Ты, босяк, тут агитацией заниматься?

Офицеры суровеют.

Боец. Зачем? Я истинно глаза открываю.

Полковник. Кто тебя тут услышит? *(Рукой на офицеров и часового)*.

Боец. Услышат, верное слово—оно слышно *(рукой широко вокруг, сначала в зал)*.

Сильный гул хора из зала. Слышим, братан, слышим!

Офицеры звуковой волной подаются назад.

ЭПИЗОД XVII. ЧОНГАР

Ведущий. Затихли паны. Бойцам Конной армии приказ — на Врангеля. Слово — товарищу Ленину!

НА ЭКРАНЕ

Товарищи, царский генерал Врангель начал наступление на Украину и Россию. Поддержанный французскими капиталистами, он продвигается вперед, угрожая Донецкому бассейну и Екатеринославу. Опасность велика... Пусть же все и каждый встанет грудью на защиту против Врангеля.

Ленин

Ведущий. Бойцы Конной летят на Врангеля. И попросили права умереть в бою разоруженные полки бывшей 6-й дивизии. Полкам вернули оружие.

Кавалерийский ритм.

С хода Конная прорывает фронт белых. Без оглядки бегут белые в Крым, за свои укрепления. И там останавливаются. За валами, за проволокой, за пулеметными шеренгами. На Перекопе, у Юшуня, У Чонгара...

Полутьма. Полотно ж.-дороги. Мостик. Под ним семь человек: три командира и четыре телефониста. Слабый свет лампы.

Телефонист. Телефонограмма, товарищ командир... Счас. *(Пишет, повторяя).* «Головные части 6-й кавдивизии... перешли в наступление... и... обстреливаются... сильным огнем...» Точка, да... «Движение»... Але, але!.. Ну, вот... Але *(дует в трубку).* Да, да!.. «продолжается... с упорным боем... В частях...» Але... але... «большие потери...»

1-й голос *(тяжко).* Ох-хо-хо!..

Телефонист. Номер 230, оперативная.

Командир. Что у соседей? В пехоте?..

Телефонист. Не добьешься их.

Командир. Вызови-ка еще бригаду.

Телефонист. Але... але... Бригада, але... Афонькин!.. Але... Не отвечают... Што, если провод перебило?.. И-эх!

Переглядываются. Молчание.

2-й телефонист. Надо иттить провод справлять.

Один уходит.

Телефонист. Гул идет... Але... але... Бригада... але!.. *(умоляюще).* Ну, бригада же!..

Пауза.

3-й телефонист. Видна, попал на проводе наш... Второму итти надо.

Уходит второй.

Телефонист. Але, але... И што там творится? Не разбери-поймешь. Але... *(нежно).* Афоня... слухай!.. Але... *(свирепо).* Бригада, так вашу мать! Але... *(безнадежно).* Нет связи!

Командир. Товарищи! Надо третьему на провод итти.

Встает третий. Сам себе командует: «Эй, ну, ша-гам арш...» Выходя напевает. «Ария» слышна в отдалении, потом обрывается лихим гиканьем.

Телефонист *(гладит аппарат и «просит»).* Але... Пожалуйста... але... *(Потом бросает это занятие).* Штота там на передовых?

Пауза.

Командир. Связь не восстанавливается — сейчас четвертому итти.

4-й телефонист. Пайдем. *(Серьезно).* До са-

мои смерти ничево не будет. *дверях* [illegible].
Хлеб тут привезут, на меня возьмёте.

Уходят. Темнеет. Пауза. Тихо. По ж. д. бредут бойцы, едва видны темные фигуры в папахах.

Ведущий. До рассвета ждали.

Алеет рассвет. Вдруг телефон дает сигнал, гудок.

Телефонист *(кидается и слушает)*. Ага!.. Передают... Алё. Да, да... Части 6-й кавдивизии... Але... але... Ну, што там *(дует в трубку)*... ведут... *(выжидательно, боязливо, вдруг кричит)*. Чонгарский мост пройден, позиции взяты... Крой, милок!.. Афоня, ета ты? Крой, милок!.. Так их! Крой!..

Ведущий. 6-я кавдивизия искупила грех... На месте боя Реввоенсовет дал ей имя «Чонгарская».

ЭПИЗОД XVIII. ПОВЕРКА

Ведущий. После боя на Чонгаре.

Вечерний свет. Зычный голос Сысоева: «Станови-и-ись на поверку-у!» Сходятся человек пятнадцать. Строятся, легкий говор. Перед строем Сысоев со списком

1-й голос. Сысоев, тут пленные, куда их?

Сысоев *(нервно)*. Офицеры?! Сюда скорее!

Приводят пленных донцов. Три офицера и несколько казаков. Они стоят тихо. Сысоев кидается к офицерам, смотрит в лица.

Сысоев. Нету... Ох, поймал ба... *(К строю)*. Смирна! А ну, слушай поверку... Алексеенко Петр?

Голос. Убит.

— Алексеенко Семен?

— Убит.

— Апанасенко Дмитрий?

— Убит.

— Алихов Васылий?

— Ранетый.

— Багодаров Василий?

— Убит.

— Башлаенко Никифор?

— Убит.

— Бурлак Афанасий?

— Убит.

— Васьковский Константин?

— Я-а! *(Рука на перевязи).*

— Ведерников Петр?

— Убит.

Ведущий. Когда закончили перекличку, как всегда и везде в Красной армии...

Сысоев. Смирно! Эй, товарищи пленные, стойте с уважением. Запевай.

Запевала начинает «Интернационал». Строй поет наш гимн. И мало-по-малу, вслушиваясь в слова буденновцев, начинают петь пленные донцы... Офицеры стоят в струнку, холодные, враждебно-покорные. Один сжимает кулаки.

ЦИКЛ ТРЕТИЙ

ДЕВИЗ ЦИКЛА:

«И ЗДЕСЬ ФРОНТ»

Ведущий. Пошли-полетели годы за чонгарскими днями. Где же другие милые буденновские братаны, старые бойцы? Как живут они, что в мыслях держат?..

ЭПИЗОД I. «ОЙ, ЗНОВ БУДЕ НАША КОННАЯ!»

Комната. Стол. Портрет Ворошилова. Лампа горит. Телефон. Бывший командир полка (б. комитетчик) сидит. Он такой же, как и в 1918 г. Только седые волосы видны. Читает.

«Нижайшее почтенье и с любовью низкий поклон, товарищ компо.лка Иван Петрович. Скольки лет за вас не известно было, как теперь письмо от вас пришло и читал — все воскресило во мне и вспомнил все переживания прошлых дней и лет. Невольно вспомнил таких героев, как командарм Семен Михайлович, и за Клима Ефремовича Ворошилова, и за начдива нашей

непобедимой дивизии, и за сотенного (вижу его и теперь лежаще окровавленным, как мы ишли под Львов, запечатлел в бою), за Семена Прохорова (помните, хоронили за Сватовой), за Романа Прилукова (погиб у Егорлыкской), а теперь сообщаете вы и еще об одном герое, т.-е. о Ваньке Филиппове — жалко биднягу. Мне передавали за него, что он сделался глухой, а впоследствии сильно нуждался, а теперь узнал о смерти. Эх, лучше бы этого не знать, как тяжело делается, когда узнаешь о страданиях кого-либо из друзей, когда-то не щадивших своей жизни.

От матери Полякова — оплакивает она сына единственного, когда остался в могиле на Маныче, был боец—просит мать карточку, ежели кто сберег и при первой возможности выслать. В Прилукова матери нет, есть отец: поеду на могилу свово сына, то хоть косточки перевезу. А могилы как сыскать в поле, как вся Конармия прошла? Разве сельсовет какой что поможет отыскать».

Командир *(произносит)*. Мало мы заботимся об этом, мало... Эх!

... «Проезжали в нас тут командиры с Москвы для терконницы, спросили, нет ли ково с буденновцев здешних, участников 1918 года. Им кто-то сказал, что есть — именно на меня. «Попросите ко мне». Когда я пришел и рассказал командирам о совместном участии, так один, — в его ромбы на воротнике, — н выдержал и пожавше крепко руку расцеловал. «Вы

Красное Знамя орден имеете?» Я говорю: «Нет». Побеспокоиться приходилось больше разбить кадетов и поляков и представляли мало. «Пиши, говорит, заявление и укажи про бои и какой части. В Москве передам к высшей награде». Я подумал да и решил, что можут допустить о прекрашивании моего описания и потом, что другие нашево полка сами не лезут, а что я полезу, мне больше товарищей не надо, вместе были. Я так сказал командиру: «Ничего мне не надо, а если надо, так всем по заслугам». Командир уехал, так мы больше и не виделись».

Командир *(к портрету Ворошилова)*. Клементий Ефремович, хорошей прокалки бойцы у нас, твоей прокалки, а?

«Ишо приезжал в отпуск домой к своим Иван Сысоев, взводный. Он учится на командира. Какой был, такой и есть. Только нервнай. Иной раз на людей глядит и спрашивает всех: «Офицера одново таково с бородавкой не видели где?» Это у него с фронту осталось. А так справный во всем».

Командир. Да, Сысоев и тогда был такой какой-то... *(Читает дальше)*.

...«Друг дорогой, товарищ комполка, давайте связь поддерживать, помнить прошлое и укреплять пролетарское общество, ведь мы не знаем, что завтра случится, вдруг война,—я считаю, что еще придется взять оружие, и тогда хорошо действовать, как знаешь, что рядом стоят надежные бойцы.

Кланяюсь низко. Бывшей боец 3-го эскадрона Фрол Шмелев».

Командир *(вздыхает, чешет почему-то глаз... Читает другое письмо)*. Ну, что Василенко Тиша, моряк мой, пишет? *(Читает)*.

«Уразив ты сердце мое, друже мий, любимый товаришу. Прийшов из праци, а баба, сунув мини в руку твово листа, та ще й каже, што хто-сь шукае тебе, мабудь дуже добра людина, що и за других печется.

Я глянув на цей папирець, тай подумав—звисно що добра, тилько ни до всих, бо вид руки цией доброй людини ни одна сволота з погонами в земли прие жалко тильки, що мало.

Ох, заболило, забилось сердце мое ниби хто его паранив, а вид чого? Як бы спросив мене хто, я бы ни зумив отповидати. Жалко чого-сь, дуже жалко — так перед моими очами и стали вси товарищи, вси полки Конной армии. Всих бы их хотив обняти, прижати, так щиро до сердця обласкавши, та мабудь цього ни дождешься, мабудь и не придется побачить кого. Ну, тилько як буде вийна — на коня и гайда, — боем загремить земля и буде знов наша Конная! Разумию, що ти мене добре понимаешь и як колысь з тобою сикли головы офицерям и панам, так и теперь будемо. Як ты бул комполком, то и будешь — старый мий друже Бувай здоровенький, друже!

Твий Тихон Василенко»

Командир (*вскакивает*). Так, Василенко, так, Тиша, друг мой, — будет война, будет знов наша Конная! (*Телефонный звонок*). Да... Да... Да... Еду... Представители профсоюза приехали? Опять опаздывают.. Пока. (*Берет портфель. Спешит*).

ЭПИЗОД II. УДАРНИКИ

Ведущий. Не останавливаясь, идет революция, меняя неузнаваемо облик людей, сел, городов, стран. Сталинград, за который дрались буденновцы.

Комната, бедно убранная, стол, три стула, на стене старая шашка. Окно. На подоконнике жестяной чайник. Сидит бывший комиссар, сейчас секретарь заводской ячейки. Он такой же, как и в 1918 году неизменный. С ним один из рабочих.

Бывший комиссар (*диктует*). «Ударники берут на себя обязательство работать без прогулов, простоев и опозданий».

Рабочий (*добавляя*). Срочную работу выполнять вне очереди...

Б. комиссар. Без сверхурочных...

Рабочий. Снизить расценки...

Б. комиссар. Сколько?

Рабочий. На пять процентов.

Б. комиссар. Что так не густо?

Рабочий. Ребята гудеть будут...

Б. комиссар. Так ведь выработка больше будет — еще и перекроет...

Рабочий. Ну, там посмотрим.

Б. комиссар. Пиши дальше *(диктует)*. «Участники ударных бригад дают обязательство увлечь за собой остальную рабочую массу путем вызова на соревнование».

Рабочий. И стоять во главе проводимых политических кампаний.

Б. комиссар. Так... Пиши. «Активно участвовать в общественной работе».

Рабочий. А главное — инструмент.

Стук в дверь.

Б. комиссар. Вали, входи.

Входит 3-й ударник.

— Здоров!

— Здоров!

3-й ударник садится. Входят 4-й и 5-й ударники.

4-й ударник. Вечер добрый!

5-й ударник. Секретарю!

Садятся.

Б. комиссар. Ну, давайте начинать.

Подсаживаются к столу все.

Б. комиссар. Регламент — каждому два счета. Говори ясно. Без агитации и масштабов. Потом подытожим. В конце обсудим договор. Тут мы набросали. *(К 3-му)*. Вали!

2-й ударник. В нашей бригаде 13 человек. Я

ставлю вопрос, что лишние люди. Достаточно 10 человек. В среднем 9 человек даже *(сморкается)*. Да... взялись мы, значит, за работу как следует. Брака у нас нет. Выпускали, значит, 50—55, самое большое 60 моторов, то, перейдя на ударность, стали выпускать 140, а если обеспечат нас материалами, дадим, значит, и 150. Это — шанс!

Комиссар *(рабочему, который записывает)*. Запиши про материалы. Говори, второй.

3-й ударник *(с украинским акцентом)*. Товарищи, все ломается, допустим, пружина механическая, которая из-за границы. Пятиминутная остановка, но нет пружины. Бегут к заведующему, механику... Старший механик бежит к заводоуправлению... Заводоуправление обратно в цех — в чем дело, кто задерживает? Цех стоит... А они — инстанции эти — растыкивают друг дружку, а деньги в кружку... Это дело?

Комиссар. Запиши. Говори, третий.

4-й ударник. Я, так сказать, насчет семичасового. Заседали, спорили, производили расчеты, одним словом, запарились, так сказать, наши инженеры... Особенно, так сказать, когда о ремонте зашла речь, ничего у них не получилось, так сказать. Как ни кинь, все клин выходит. По ремонту у нас работало, так сказать, 15 групп. В каждой по 4 человека. При переходе на семичасовой группы не могли бы, так сказать, справиться с заданием и программой. Ну, выход придумали.

Группы сократили, так сказать, по три человека в каждой. Из освободившихся 15 ребят организовали, так сказать, три группы. Посадили их специально на клепку. Производительность труда повысилась и себестоимость, так сказать, понижена, и зарплата повышена, и шесть человек на другую работу стали.

2-й ударник. Какие все-таки мы все оптимистические, так сказать. Вы глядите поглубже. Вы глядите на администрацию — это факт. Предложили мы снизить расценки на 5 процентов, а администрация самовольно выдвигает на 8 процентов. Не участвующие в ударниках по этому поводу гудят — «что, досоревновались!» Подрыв — факт!

Бывш. комиссар. Пиши про администрацию.

3-й ударник. Пиши, пиши!

В окно влетает камень. Летит стекло. Все оцепенели на миг и потом шарахнулись.

Бывш. комиссар *(по-фронтовому, мгновенно)*. Не балдеть, товарищи! Организованно. От окна — в сторону! Предосторожность!

Все слушаются. Комиссар подымает камень. К нему бечевкой привязана бумажка. Все сгрудились около комиссара

Бывш. комиссар *(читает, отвязывая записку)*.

«Сволочь ударники, ежели не бросите свою политику и снижать расценки, головы открутим, будет этому конец, лучше опомнитесь.

Группа рабочих».

Рабочий *(в окно)*. Гады, кого на испуг берете?! Партийцев, ударников на испуг берете? Эй, вы, «гренадеры»-камушники! Не бригаду ударную сделаем — весь завод. Раз. Не только завод — весь СССР. Два. Мешать кто будет, с тылу бить — в капусту порубаем. Три.

Комиссар, сняв со стены и обнажив шашку, дает несколько пробных ударов. Гул остальных: «Чисто рубишь! Так. Заметано!» С треском открывается дверь и вбегает здоровый дядя в высоких сапогах и полупальто.

Вошедший. Шо таке, тревога?

Голоса. Семененко! Здоров!

Семененко. Здорово, хлопцы!.. *(Заметив стекла)*. Э-э... чого ж викно побили, а?

Голоса. Побили окно.

— Грозят ударным.

— Ультиматум кинули.

Семененко. Ой, гадюки! Кидают? Ультиматум? Ой, докидаются же ж. Гадюки!.. Грозят? Так уж нам грозыли — уси ухи з 18-го прогрозыли... Гэ! *(К б. комиссару, деловито)*. Комиссар, дело есть. *(Чуть стесняясь)*. Тютюн маешь? Я в доску прокурылся. Даси до получки? *(Берет протянутые папиросы у б. комиссара)*. От — спасибо!.. Ну, бувайте, хлопцы... *(Оборачивается)*. Ой, гадюки — кидают! Докидаются!..

Комиссар. Садись, товарищи... Товарищи, мы остановились на администрации и ее подходе. Так, запиши...

Ведущий. Партия знает миллионы угроз. Партия знает сотни тысяч смертей. Партия бесстрашна. Партия ведь фронтовая! Немыслимо испугать. На всю жизнь идем одним путем. До гроба пойдут те, которым умирать, до победы те, которым жить.

ЭПИЗОД III. В СТАНИЦЕ

Ведущий. Не останавливаясь, гремя годами, идет революция, неузнаваемо меняя облик людей, сел, городов, страны...

Собрание казаков и крестьян в одной из станиц Сальского округа, Донской области. Осень 1929 г. Изба полка. Красные полотнища. Портрет Ленина.

Председатель. Тиха. Об'являю собрание открытым. На повестке о переходе в колхоз.

1-й голос. А кто желаить? В колхоз твой?

2-й голос. Силком!

Голоса. Есть, желаим...

Председатель. Гражданы, тиха! Выисним сперва. По порядку. Там видна будет. По существу вопроса я доложу. *(Начинает речь).* Гражданы! Такой факт. Что это значит? Это значит, гражданы,—вопрос назрел. Тут нада размыслить. Што к чему. В соседних станицах тоже решають.

1-й голос. Слыхать!

Бородач. Кто, мол, против, ну-ка подыми руку, а мы тибе по холке!

Голоса. Во-во!

Голоса. Врешь!

2-й голос. Я те, чорт, в рожу!..

Бабий визг.

Председатель. Гражданы, тиха! В соседних станицах вопрос решаютъ... *(Смотрит в бумажку)*... Важнеющая задача. Я призываю. Главное — сознание.

1-й голос. Чиво подчитываешь?

2-й голос. Сам вали...

Председатель. Гражданы, тиха! Такой факт *(подчитывает по бумажке)*. Надо организованно... Я предлагаю, чтобы по-братски...

1-й голос. Кто кому брат-та? Пешай конному? А в нас безлошадные есть. Им как, а? Кто брат?

Председатель. Гражданы, тиха! Надо с умом. *(Подчитывает)*. Важнеющая задача — с колхозом. Большой смысл. *(Пауза)*. Только сунесси на спешку — ну и жди чево.

1-й голос. Чево?

2-й голос. Верна!..

3-й голос. Чево жди-та?

Председатель. Был такой случай, сунулись, а земотдел пишет — вас никто не утверждал, вы незаконно, прав у вас нет.

Бородач *(громко и радостно)*. Во-во!

Голоса. Чиво спешить? Погадим.

Голоса. Чиво годить? Опять биду хлебать? А мы безлошадные.

Председатель. Гражданы, тиха!

Выходит вдруг казак, когда-то буденновец, спасавший раненного коммунара.

Казак. Товарищи! А? Я спрашиваю — куда (*на председателя*) ен гнет? Ета делю?

Гул.

Председатель. Гражданы, тиха! (*К казаку*). Лишаю слова. Не разводи контру. Аристую.

Казак. Стой, милок, стой!

Председатель. Уходи!

Казак. Ты куды едишь, чью руку держишь?

Председатель. Ты што пытливай какой? Старого красноармейца буденновского учишь?

Казак. Был ты красноармеец... Да и то какой: «Часики аль сапожки можна?» Помню, брат, я... Под Касторной... Да и ты помнишь... А теперь стал пузатым гузно лизать... Буденновское имя зачем берешь? Куда клонишь?

Председатель (*к собранию*). Гражданы, тиха! Гражданы, ево надо голоса лишить. Явно срывает собрание. Так, гражданы?

Голоса. Так!

— Стой!

— Пущай гаварит.

— Верно!

— Врешь!

Казак *(кричит председателю)*. За скока купили тебя, бывшай красноармеец буденновский?!

Собрание гудит.

Председатель. Гражданы, тиха! Лишаю тебя слова! Контру разводишь! Явное дело...

Казак. Я тибе лишаю! Слазий со стула!

Председатель. Ты мине лишаешь?

Казак. Я! Некупленнай буденновец! А ты стерва, шмара продажная! Гражданы, подождите чуток!

Голоса. Чиво ждать?

Бородач. Ясно — все против. *(На казака)*. Долой ево! Некада ждать!

1-й голос. Врешь, Дадыкин! Ета ты против!

Казак. Счас, гражданы, все выясница... Што я, гражданы, скажу... *(Смотрит на дверь. Ничего не говорит)*.

Голоса. Ну?

— Чиво?

— Гавари!..

Председатель *(крутит)*. Гражданы, кончать нада. Вопрос ясен. Нада пратакол. Гражданы, пока откладывають колхоз. Так и зафуксируем.

Казак. Нет, стой!

Входит быстро казак-переменник с нагайкой и волочит к столу председателя парнишку.

Казак. Во, гражданы, слушайте! На поджоге

взятай парнишка. Хаты палить ему сказано — пока собрание. *(К парнишке).* Чьи хаты,—сказывай! *(Гванул парнишку. Вопль парнишки).*

Казак. Ну?

Парнишка *(бубнит).* Хату Микерина.

Вопль в толпе. Што?

Казак. Дале!

Парнишка. Хату Чумака.

Вопль. Но?!

Казак. Дале!

Парнишка. Хату Басина да Фрола Шарусина.

Бабий крик.

Казак. Ишо?

Парнишка. Кочеткова... ишо старова Андрея...

Гул, вопли и крики растут. Председатель делает несколько шагов.

Казак *(его останавливает).* Стой, стой, председатель! *(К парнишке).* Хто наладил — ну? Гавари.

Парнишка *(смотрит исподлобья).*

Казак. Ну? Ремня дам, портки сыму — по голой...

Парнишка *(боязливо).* Дадыкин да етот *(на председателя).*

Тихое «ах». Бабий крик.

Казаки. Гражданы, все свидетели? Никанор - ты партейный. Потом покажешь. Брать Дадыкина? Никанор?

Никанор. Бери!

Бородач Дадыкин. Што ж, ей-богу, ничего. Братцы, ей-богу...

Голоса. Станицу палить? Ах, кобель старый! Ишь, атаманец! Яво ба спалить, добра у ево много — набрал...

Дадыкина выводят к столу. Председатель стоит.

Казак. Охрану нада... Их с Дадыкиным тут ишо сколько-то есть. Милиционер-то уехал... А по станице доглядывать нада. Ну, кто — красноармейцы, фронтовики?!

Председатель двигается.

Казак *(ему)*. Стой тут!.. Ну, фронтовики!

Никанор. Давай!

1-й голос. Падем! И я-а!

2-й голос. Я драбавик возьму!

3-й голос. Во!

Трое уходят.

Казак *(им вслед, живо, по-командирски)*. Смотреть с концов — пост на той край ты, Никанор, на энтот — Серега, а третий суды. В два счета! *(Первым двум)*. Смену пришлю. Валите! *(К собранию)*. Граждане — все ясна? Эва как они вас! Што барашков хотели. Только и мы смотрим... Уследили... Переменник, вон наш... Кослапай был... А Дадыкин-то! К нему бы кланяться ходили, а он пугать — не ходи в колхоз... Кулак — верна... Только у нас на вас свои есть — видал? *(К носу Дадыкина кулак и к носу пред-*

седателя. Граждане, бедное сословие. Глаза протерли?

Голоса. Хто их знал!

— Рази усмотришь?

Входит с дробовиком Б. фронтовик

Казак. Послужи-ка нио. *(Кивает на председателя и Дадыкина)*. Смотри за ними.

Б. фронтовик заряжает двухстволку, раскрыв ее. Дула нечаянно направлены на Дадыкина. Он пятится.

Б. фронтовик. Боисся? А станицу палить не боисся?! *(Отводит ружье)*.

Бабий голос. Дела! В станице сваи мужаки воюють... А-а-й!

ЭПИЗОД IV. «МЫ ОТВЕЧАЕМ»

Ведущий. Гремя годами, не останавливаясь, шагает Революция, неузнаваемо меняя облик людей, сел, городов, стран... И кто посмеет...

Ведущего обрывает отдаленный залп и сигнал тревоги. Вспыхивают буквы юзограммы: «К.-В. ж. д. захвачена. Китайские и белогвардейские части переходят границу СССР».

Ведущий. Этим хотят остановить Революцию, замедлить ее шаг? Мы отвечаем *(Вспыхивает текст)*: «Сформирована Особая Дальневосточная армия».

Ведущий. Много военкоматов по СССР... По ступеням, стертым неисчислимым количеством ног, — сколько их прошло в трехлетие 1918—20! — поднимаются люди.

Военкомат. Входит б. командир буденновского полка. Осматривается. Положив голову на стол, спит красноармеец, служащий военкомата...

Командир. В 18-м запалили бы партизаны из нагана или кольта над ухом у тебя, браток, разбудили бы. Шумные были тогда манеры... Почему он спит? Днем? В боевые дни? *(Пауза)*. Ужасную драму можно устроить. Мальчуганка лет 17-ти какой-нибудь пришел бы... «Я прихожу, а тут все спят, бюрократы, а и жди, а я герой с 1917 года»... А? Забавно... *(Трогает осторожно за плечо спящего)*.

Красноармеец. А? Сейчас... Товарищ... Дайте поспать... Ночь занимаешься. Я в вузе учусь... Сейчас перерыв...

Командир. Перерыв? Который час? *(Смотрит на часы - браслет)*. Да — время перерыва. *(Красноармеец опять спит. Пауза)*. Так.. Этот красноармеец, этот парень служит и учится, а спит свои 30 минут. Как мы когда-то, на ходу. И здесь фронт! Оставлю свою бумажку... *(Выходит—то ли привычно козыряя, то ли отдавая честь спящему)*.

Пауза. Входит рабочий. Идет молча, крепко шагая к столу. Спящий просыпается. Рабочий протягивает бумажку.

Красноармеец *(читает)*. «Добровольцем на Дальний Восток в случае первой необходимости»...

Рабочий кивает головой: «спрашиваешь, мол!»

Красноармеец *(читает)*. «Бывший питерский рабочий, ныне сталинградский... Бывший комиссар из Первой конной»...

Рабочий кивает головой.

Красноармеец *(приподнимаясь).* Зачислим в списки, товарищ комиссар. Как что — вызовем.

Рабочий жмет руку красноармейцу и уходит.

Красноармеец *(читает бумажку комиссара).* «Добровольцем на Дальний»... И этот добровольцем и тот... Этот буденновец и тот... Здорово!

Ведущий. Помнят офицерский лик старые бойцы!.. Идут в лоб их бить...

ЭПИЗОД V. «А С НАМИ ВОРОШИЛОВ!»

Ведущий. СССР отвечает дальше. Ответ со степей идет, с земли... Не остановить Революцию, не замедлить ее шаг!..

Темно. Степь. Курганы. Обстановка эпизода, бывшего в 18 г.

Медленно выходят с двух сторон двое.

Один *(весело).* Кто идет?

Второй *(весело).* Свой!..

— Какой свой?

— Здешний житель, с колхоза «Буденновец».

— Ты бывший конник?

— Ыгы!..

Сходятся.

— Ну, здоров, братан!

— Здоров.

— Закури́м?

— Закури́м!

При огоньке разглядывают друг друга.

Казак. Ты-ы? Митрей?! Здорово, 4-я смелая кавдивизия!

Митрей. Казак?! Здоров, смелая 6-я! Вот привелось!

Казак. Да-а, привелось!

Митрей. Скольки я тибе не видел — с врангельского?!

Казак. Ыгы... *(Курят оба).* А что про ково слыхал с наших, друг?

Митрей. Писали, вот, про Городовикова, что командир коннова теперь корпуса... Ваньку Сысоева помнишь?

Казак. Взводного? Ну, как же!

Митрей. Заделался командиром, прошел учение. Ишь, хват!.. А где Тимошенко начдив?

Казак. Вроде 6-й командует, а может корпусом. А комиссара помнишь? Где-та он типерь? Как он под Царицыном нас осаживал?.. Спомнить только — дуром к нему пошли, освабадить невинных арестованных — чуть беды не сделали.

Митрей. Ага... А где — был, помнишь, орден имел, — Пархоменко? В 14-й был, кажись, начдивом после?

Казак. Махно убил его, застукали. Всех положили махновцы, весь штаб дивизии... А Дундыча помнишь?

Митрей. Ну, не помнить! А Морозова, начдива

11-й? Помнишь — погиб на врангельском. С ним и комиссар лег рядом... как ево?

Казак. Бахтуров... *(Пауза)*. А Литунов? От герой был! *(Пауза)*. А у нас в эскадроне — командиров трое убито, два в инвалидах. Писали. А рядовых бойцов вернулось — едва взвод соберется против тово, што вышло в эскадрон в 18-м.

Митрей. И у нас. Под Батайском упало много... А под Бродами?! А под Грубешовым, — сразу трех комбригов убило...

Казак. А у Егорлыкской? Помнишь, ходили?.. *(Пауза)*. А где Апанасенко — начдив был?

Митрей. Апанасенко, слышно, счас в нашей 4-й начдивом... *(Пауза)* Так Пархоменко убили?... *(Задумался)*. Да, побита сила. Ох, побита многа...

Затихают оба.

Ведущий. 7 000 верст прошла Первая конная за годы гражданской войны. Великий путь весь отмечен могилами бойцов — прекраснейших сынов революции. Они сложили свои честные буйные головы в борьбе с заклятыми врагами трудового народа. Все они живыми кусками нашего собственного тела вырывались врагами из наших рядов. Они дороги нам, как дорого и то дело, за которое они боролись и умерли... Безымянные тысячи могил поросли травой, зимой занесенные снегами. Под полуденным или ночным темным небом в сечах погибли, когда пришла смерть. Расстались с родными полками... Пропали, пропали на-

всегда... Сошли в могилы братья бесценные, полив кровью землю, родимые степи... Никогда больше не откроются глаза погибших, чтобы увидеть штандарты красные... Сердца горячие остыли, истлели... Ушли тысячи прекрасных из жизни навсегда...

Траурный, горький народный мотив.

Ведущий *(в зал)*. Встанем, товарищи! Встанем, бойцы! Чтим честь погибших...

Казак и Митрей в сумраке застыли.

Казак. Да, побита многа...

Митрей. Свое взяли... Поломали хребетину кадетам.

Казак *(меняя тему)*. А дома-то ребятишки!.. Сопляки в 18-м были, задницы голые видать, а теперь басом гутарют... *(Удивляясь и ласково)*. В красной кавалерии служат!.. Ишь, дела! Вот те и сопляки — выросли!.. Время идет.

Митрей. Бежит, друг, время, прям, бежит...

Пауза.

Митрей. Куда собралси?

Казак. Китайский кадет просит. Да там и офицера белые есть. Тоже просют... Нада дать...

Митрей. Вместях в военкамат записыватца, значит, идем... Сгодимся может.. Ишо партизаны 18-й не забыли...

Казак. Куда забыть! Очень все помним... Ну-ка *(зычно)* «справа по три!»

Митрей *(строго)*. А нас двое.

Казак. А с нами третий повсегда — Ворошилов...

Ведущий. Много военкоматов по СССР... По ступеням, стертым неисчислимым количеством ног, — сколько их было в трехлетие 1918 — 20 гг.! — поднимаются люди... В военкоматах СССР в дни опасности на Дальнем Востоке скопились сотни тысяч заявлений добровольцев. Старые бойцы в эти дни вновь повстречались и в рукопожатиях проверили, сохранена ли сила рук. Сохранена! Оставшиеся в живых участники битв революции, как по команде «станови-и-ись!»—сами становятся в ряды. Рубанем еще гадов! Ну, кто посмеет остановить революцию?

ЭПИЗОД VI. «ЗДРАВИЯ ЖЕЛАЕМ, ВАШ-СОК-РОДЬ!»

Ведущий. Стремителен бег событий — не останавливаясь идет Революция, меняя облик людей, сел, городов, стран... И кто посмеет остановить ее?! Москва, октябрь 1929 г.

Фойэ в клубе. Группа молодых кавбойцов. Среди них один здоровый дядька.

Молодой боец. Дядько, а ты на службе був?

Дядька. Был.

Молодой боец. А на войне був?

Дядька. Приходилось.

2-й боец. Пехотный?

Дядька. Конник.

Трое. Старый конник?

Дядька. 6-й Чонгарской.

Все. Буденновец?

Дядько. С февраля 1918-го.

Все. О-о-о!

Один боец. Значит настоящий бой видел?

Дядька. Пришлось... Да... Помню, что память хранит. Эх, бойцы были, дела были, за Советы шли — умирали. Да... Смею сказать, мало любить—носи-ть на руках таких бойцов надо... Плохо только оценивают, бывает... Скажем — история-то их помнит... Верно: золотом по красному имена выведет, а люди-то *(пауза)* иной раз забывают... Бывает — бьется после службы боец, ничего не выходит... Налог тяжелый.

Молодой боец. Ага.

Дядька. Поеду, думает, в город, а там и на бирже не регистрируют.

Второй молодой. Во-во!

Дядька. Да, не регистрируют, говорю. Вы, дескать, бегите с деревни искать легкого хлеба... Страдаит боец...

Появляется из зала быстро один человек. Бодро кричит с украинским акцентом:

Вошедший. Старого буденновца чую! Здорово! Я тоже конник. *(Крепко бьет ладонь в ладонь знакомца).* Верно говоришь, бывает плохо бойцу. Бывает, ой, подло у нас бывает! Только мы за подлость и душу вынуть можем. Как скурвился, забюрократился, трудовому люду дорогу заступил — за штирку *(жест).*

Верна? Как какого гада словим, который с подкопцем действует — на замок его. Верно?.. Примечай, что говорю, друг.. *(Пауза). (Вдруг резко).* Да в глаза гляди, ну! *(Стискивает руку собеседника сильнее).* Где ты бойцом был, в каком полку?

Дядька. В 6-й кавалерийской.

Вошедший. А какой полк на Чонгаре в голове шел? Какой эскадрон первый мост прошел?

Дядька *(мнется).*

Вошедший *(спокойно).* А хотишь, я тебе скажу, в какой ты 6-й Чонгарской дивизии был?

Дядька *(молчит).*

2-й боец *(резко).* Гляди, гад, прямо!.. Ну... С буденновцем дело имеешь — очки не вотрешь. *(С ударениями).* Видели мы тебя в 18-м, слыхали в 1919-м, а упустили в 1920-м.

Пауза.

Вошедший *(смотрит на дядьку. Неожиданно берет под козырек и гаркает).* Здравия желаю, вашсокродь! Узнаете? Лейб-гвардии драгунского полка первого эскадрона рядовой Охрименко!

Дядька кидается в зал.

Охрименко *(уверенно, не очень громко).* Стой! Стой! Куда, дур-ра, суесси? Здесь же *(жест на зал)* кругом наши... Не уйдешь! Иди обратна!.. Ну...

Офицер Икс возвращается. Охрименко его властно, быстро обыскивает.

Охрименко *(к молодым бойцам).* Вы что — по второму или по первому году служите?

Голоса. По первому.

Охрименко. Ну, а я с 1913-го... И вот он... Ну, слушай... Он вам тут заливал про старых бойцов, страдают, мол... *(К офицеру).* Ладно, давай про старых бойцов. Чего в землю смотришь? Хочешь в земле чего увидеть? Смотри, смотри! Будем вместе смотреть... Видишь?.. Память есть?

Сцена темнеет.

Ведущий. Под темным небом кончается жизнь, в степи, где сызмальства знали простор братаны, честные головы буденновские. Умирать пришла пора. Сердца горячие остынут и навсегда закроются глаза... А как жить-то хочется! Найти свои родные полки... А где они?..

Тихо далекий буденновский мотив.

2-й боец. Помнишь, гад? Помнишь, как порадовал старых бойцов — братанов моих? Что им сказал?..

Офицер. Расстреливать не будем... *(Здесь ярко по жестам, позе и интонации окончательно опознается офицер).*

2-й боец. А потом?

Офицер *(холодно молчит).*

2-й боец. А потом?

Офицер *(вызывающе в зал).* Живьем вас закопаем...

2-й боец *(в зал, криком)*. Узнали его, товарищи?! Вот они — ходят, с тонкими речами к сердцу бойцовскому подбираются... А ну, идем!

Офицер *(спокойно)*. Куда?

2-й боец. Узнаешь. Тут на Лубянку, недалеко.

Мимо проходит быстро кав. командир со знаками различия комполка.

Молодой боец. Товарищ командир, разберить их! Товарищ командир — подозрение на этих двух товарищей есть...

Командир *(подходит)*. В чем дело?

Охрименко *(вглядываясь в командира)*. Сысоев? Ты?

Командир *(вглядывается тоже)*.

Охрименко. Охрименку помнишь?

Сысоев. Охрименко! Годок! Друг!.. Ну, в чем тут дело?

Охрименко. А то, что ваш-сок-родь об'явился, с бородавкой... Живово с'есть ты искал...

Сысоев замер. Пауза. Молодые бойцы впились глазами в командира и «дядьку».

Офицер. Ну, мстите...

Сысоев *(спокойно)*. Мстить? Из'ять вас надо. Вот и все... Классовая целесообразность... Мы ведь уже давно не партизаны... Да и зубы у меня давно вставлены *(чуть показывает)*. Ну, пока, Охрименко! На вокзал спешу, к Владивостокскому... Там поваж-

нее. *(К бойцам).* Поможете, товарищи, доставить задержанного.

Бойцы. Приказано помочь доставить задержанного, товарищ командир...

Сысоев уходит.

Ведущий. Глядите в оба, товарищи! Слушайте в оба, бойцы!... А проглядите и прослушаете — пойдете от гадовой руки в землю. Сердца ваши горячие остынут и навсегда закроются глаза... Глядите же в оба! Вражьи люди всюду есть. И всюду для нас фронт!

ФИНАЛЬНЫЙ ЭПИЗОД VII. ОСОБАЯ ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНАЯ

Ведущий. Не останавливаясь, идет Революция, гремя годами, и борьба попрежнему потрясает страну... Дальний Восток. Китайская граница. 17 ноября 1929 года. Участок Отдельной кубанской кавалерийской бригады Особой Дальневосточной армии.

Кусты. В разомкнутом строю лежит группа спешенных бойцов. Бойцы в шинелях. Холодно. Вдали сопки. На китайской стороне алеет. Вдали стучит недолго пулемет.

Голоса. Покашливает «Максим», ишь.

— С холоду греется.

— Чево ждем?

Пуля «тук-пак». Один боец приник к земле.

— Эй, хто там кланяется? Забоялся? От имени ВЛКСМ — порицание.

— Нет — я так... Больше не буду.

1-й голос. Наступают, что ли?

2-й голос. Сообщат.

Один боец чуть наигрывает на губной гармонике,— потом «страдает»:

Меня Дуня провожала:
И подарки заказала:
Не платки индейские —
Портки белогвардейские...

Слева крик. С левого фланга командир полка идет!

Идет передача. С левого фланга командир полка идет. С левого фланга командир полка идет!..

1-й боец *(чуть настороженно, сдавленно)*. Чево-то будет верно, а?

2-й боец. Эй, слушай все! Если наступать — привет, как уговорились...

Подходит слева командир кавполка Иван Сысоев. К нему быстро, козыряя, подходит комэскадрона.

Голос из цепи. Товарищ комполка, шарнуть ба?

Сысоев *(шутя)*. Не лезь поперед батьки. Обожди. *(Смешок)*.

Сысоев и командир эскадрона беседуют.

Голос бойца. Кто против нас — китайцы или белые? Секретарь, а?

Секретарь ячейки. Белые. Батальоны уничтоженья СССР.

Один (*наивно и изумленно*). Ну-у? Как в 1918 годе — живые офицера, что на политчасе про них рассказывали?

Секретарь. Вот, вот.

Сысоев. Ну, товарищи, приготовьтесь. Полы шинелей подоткните. Подзаправьтесь чище. Бинты у всех есть?..

Голоса. Есть... У всех.

1-й боец. Ну, разом!

Бойцы (*по-комсомольски, хором*). При-вет-ствуем на-ступ-ле-ние!

Сысоев и комэск переглянулись и улыбнулись. Их охватывает возбуждение, испытанное последний раз в боях 1920 г.

Сысоев. Не робеть, братишки-ребятишки... Шибанем офицеров! Надеюсь на ваш эскадрон...

Эскадронный делает кивок.

1-й боец. Эх, товарищ комполка, в конном бы строю шарнуть!

Сысоев. Нельзя. Там дальше проволока, рвы... Потери были бы больше... Себестоимость дороже.

Сысоев проектируется на фоне неба, как 13 лет тому назад на Стоходе, над окопом. Эскадронный показывает бойцам направление. В группе движение, бойцы готовятся, клацают затворы. Сысоев смотрит влево. Пулеметы вдали все время дают очереди или непрерывный огонь. Затихают. Группа подбирается выше. Следят за левым флангом.

Сысоев. Ну, счас. Левый фланг — первый начнет... Главный же удар мы сделаем... Дуром не бегай, применяйсь к местности, товарищи. Мушку ровнее бери... Китайцы будут — не обижать... Ну, еще? Слушайте мое слово. Идем, товарищи, за союз рабочих и крестьян, за СССР... Все сказано... *(Вытаскивает наган).* Друг милый, 18-й не забыл? *(К бойцам).* Ну, давайте, товарищи родные! Вместе! *(Запевает):* «С неба полуденного жара не подступи»...

Бойцы подхватывают. Слева крик. «Встань! Вперед!» Бойцы наступают, идя с Сысоевым, комэском, и с буденновской песней учащают шаг, переваливая за пригорок. Пули «тук-пак», «тук-пак». Двое падают. Влево пулеметы. Песня уже за пригорком.

Ведущий. В нужные дни, часы, минуты, даже в самую нужную секунду поднимаются старые и молодые конники и крепким голосом Москве дают знать: «Готовы мы! — если надо на защиту Советов». Не забыт 1918-й, не забыт 1919-й, не забыт 1920-й, ничто не забыто — шашки востры, кони поены-кормлены. Нет человеческой силы, нет силы машин против трудового народа! Здесь, там, окрест, везде наша несокрушимая сила... Кто там — враг на Западе, на Востоке? *(Взмахи направо, налево).* Эй, слышь:

Буденновцы готовы!..

Вся Красная армия готова!

СССР готов!

Десятилетие похода на Ростов.
Ноябрь 192[illegible], Ленинград.